

The background of the cover is a detailed illustration of a magical library. A young man with long, flowing blue hair and a dark, ornate tunic stands behind a young woman with long, vibrant red hair. She is wearing a red dress with gold embroidery. They are both looking at a glowing, ethereal orb of light that they are holding together. The library has high ceilings with intricate carvings, bookshelves filled with books, and a large arched window in the background. The overall color palette is dominated by deep blues, reds, and golds, creating a mystical and romantic atmosphere.

Марина Индивиди
Валерия Чернованова

БУНТАРКА
И ХОЗЯИН СТУЖИ

— Магия, меняющая мир —

Марина Индиви
Валерия Михайловна Чернованова
Бунтарка и Хозяин Стужи
Серия «Необыкновенная
магия. Шедевры Рунета»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70428325
Бунтарка и Хозяин Стужи: [роман] / Марина Индиви, Валерия
Чернованова: АСТ; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-156107-9

Аннотация

Что может связывать простую девушку с непрым даром правителя Севера, могущественного Снежного? Ничего, думала я и... была не права. Случайная встреча на руинах храма, и теперь я, Ливия Селланд, жизненно необходима Хьяртану Эртхарду. А вот он мне сто лет не нужен! Но разве его снежность это волнует?

Радует одно: он будет нуждаться во мне лишь до тех пор, пока не разберется, что с ним случилось и какие силы нас соединили. А потом наши пути разойдутся. По крайней мере, я на это очень надеюсь... И уж точно не стану слушать свое глупое сердце!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	41
Глава 4	54
Глава 5	75
Глава 6	97
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Марина Индиви, Валерия Чернованова Бунтаркаи Хозяин Стужи

© М. Индиви, В. Чернованова, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

Ливия Селланд

Самая длинная ночь в году, как назло, оказалась и самой темной, а еще и до ларгов холодной, поэтому к развалинам храма я добралась основательно продрогшей. Но главное – добралась! Пока шла, вздрагивала от малейшего шороха и не переставала озираться. Городок у нас хоть и маленький, мирный, но, собираясь на прогулку в полночь, надо понимать, что случиться с тобой может всякое. Особенно если тебе всего девятнадцать, а из оружия – только нож за поясом, утащенный накануне с кухни. Да и то больше для собственного успокоения, чем для обороны.

Не переставая дрожать и кутаться в ветошь, гордо именуемую пальто, я поднялась по полуразрушенным ступеням – скользким, промерзшим, заметенным снегом. Говорят, когда-то это место было невероятно красивым, но теперь от него остались лишь обломки стен да жалкие сколы колонн.

Заметив алтарь, я приободрилась и, увязая в снегу, стала пробираться к рассеченному надвое куску мрамора.

– Ну вот, почти...

Стянув варежки, достала из кармана платок Фабиана с

несколькими каплями подсохшей крови и срезанной у спящего мальчика каштановой прядью. Представляю его реакцию, когда поймет, что за чудо случилось ночью... Улыбнувшись, сжала платок в кулаке и опустилась перед алтарем на колени. Вдохнула, выдохнула и, не теряя времени, зашептала заветные слова.

Пусть сегодняшняя ночь была непроглядно темной, невозможно холодной, но она была особенной. Как и это место.

Как же долго я ждала этого момента...

Слова ритуала, который знала лучше, чем благодарственную молитву Богине-матери, звучали все громче, лились из самого сердца. Искренние, горячие, трепетные. Вместе с ними из меня вытекала сила – Дар, доставшийся от мамы.

То, что должно было спасти моего брата...

– Нет! – Я вскрикнула и открыла глаза, почувствовав, как в ладонь словно молния угодила. Платок выпал из дрогнувших пальцев и, подхваченный порывом ветра, взмыл к небу. – Нет, нет, нет!!!

Подскочив, бросилась за ним, не помня себя от отчаяния. Ритуал не был закончен.

Ритуал. Не был. Закончен.

Да что ж такое...

Я ведь столько готовилась!

Платок кружил в воздухе, словно дразня, издеваясь, а потом стал медленно опускаться. Все ниже и ниже... Я была

уже так близко. Сейчас... Еще немного, и схвачу! И обязательно закончу начатое!

Исцелю брата.

Поймала. Прижала к груди и хотела уже бежать обратно, но вдруг нога подвернулась, обо что-то зацепившись. Камень? Ступенька?

Вскрикнув, рухнула в снег, плашмя упав на... чужую грудь.

– Богиня-мать... – выдохнула в губы мужчины, уже основательно покрытые изморозью. К его ресницам тоже успели прилипнуть снежинки, красивые такие... И ресницы, и снежинки. Высокий лоб, острые скулы...

Настоящий Снежный...

Мертвый Снежный. Совершенно, бесповоротно мертвый.

Ошеломленная находкой, я продолжала разглядывать незнакомца. Смотрела аж целую минуту, а может, и дольше. Со страхом, горечью и еще каким-то странным чувством, которое не могла объяснить даже самой себе.

Он ведь Снежный...

А их точно жалеть не стоит!

Как и переживать, что один из них вдруг стал покойником.

– Хватит, Ливия, на нем лежать! – строго прикрикнула на саму себя. – У тебя важное дело. А мертвые Снежные вообще не твоя проблема.

Не успела так подумать, не успела подняться, как этот ли-

повый мертвец (ларгов на него нет!) открыл глаза и, притянув меня к себе, грудь к груди, жадно поцеловал.

Так резко и глубоко, что в меня, казалось, ударил весь холод зимней стужи, все вымораживающие ветра. Я должна была бы окоченеть, но вместо этого вспыхнула, как свеча от ворвавшейся в комнату вьюги. Голова закружилась.

Сквозь жар и холод, сквозь этот пугающий контраст я почувствовала вытекающую из меня силу. Под напором жестких губ, под властью этого подчиняющего поцелуя крохи магии таяли, как искры костра в зимней ночи.

Собрав в кулак остатки сил, оттолкнула негодея, ударила кулаком в твердую, будто каменную, грудь, плюхнулась на то место, на которое нежданно-негаданно нашла приключения, а потом, кое-как отодвинувшись, вскочила на ноги.

Из развалин бежала без оглядки, чувствуя, как в груди лихорадочно стучит сердце, кровь в венах вскипает от гремучей смеси злости, страха, досады. Видя перед собой голубые как лед глаза, ощущая прикосновение горячих губ и слабость, которая с каждой секундой становилась все сильнее.

И все из-за этого ларга Снежного!

Не знаю, где только силы взяла добраться до дома. Скользнула в оставленную приоткрытой калитку, о существовании которой мачеха, кажется, не догадывалась, и, миновав теплицы, толкнула дверь на кухню.

Скорее бы в кровать, под одеяло. Хоть немного согреться, прийти в себя, унять бешеный стук сердца.

Вбежав в кухню, рванула было к двери напротив, но загнулась, заметив развалившегося за столом ларга. Не Снежного, но этого мне видеть хотелось еще меньше.

— И где это мы пропадаем глухой ночью, дорогая сестрица? — Проведя кончиками холеных пальцев сквозь лепестки пламени, дрожащего над свечами, Душан прошелся по мне липким взглядом. — Я ведь переживаю.

Только тебя мне сегодня не хватало...

Отняв руку от пламени, мужчина резко поднялся. Деревянные ножки стула царапнули пол, и я, не сдержавшись, поморщилась.

Отвратительный звук.

Отвратительный Душан!

— Что же ты молчишь, Лив? — насмешливо спросил он, шаг за шагом сокращая расстояние между нами. — Где можно было пропадать глубокой ночью, заставляя меня беспокоиться?

А ведь я, уходя, удостоверилась, что все спят. Была уверена, что о моем исчезновении никто не узнает.

Это что же получается? Проснувшись посреди ночи, Душан решил сунуться в мою комнату и, не обнаружив меня там, занял выжидательную позицию на кухне?

И часто он так ночами меня... инспектирует?

При мысли, что сводный брат пялится на меня спящую, по коже словно тараканы пробежали. Хотя уж лучше бы они, чем взгляд Душана.

Меня передернуло, но внешне я оставалась невозмутимой.

– Просто гуляла, – ответила вынужденно, стараясь не смотреть ему в глаза.

Цвета болотной тины, блеклые и невыразительные.

– Гуляла? – Приблизившись, он стал обходить меня по кругу, подобно хищнику, кружащему вокруг лакомой добычи.

То, что я для сводного брата аппетитнее куска торта или желаннее бутылки фрионского, стало ясно давно. Жаль, отец это вовремя не понял. А потом его не стало...

И теперь мне приходилось терпеть поползновения этого гада, ползучего и наглого.

– Мне не спалось, – тихо сказала, впиваясь пальцами в отвороты на рукавах.

Наверное, хорошо, что ослабла. В последний раз, когда Душан лез ко мне целоваться, я приголубила его магией. А мачеха потом наказала.

Только не меня, а Фабиана.

Душан остановился в полушаге.

– Одна ночью в городе... А если бы с нашей крошкой Лив случилась какая-нибудь... неприятность? Я бы не простил себе, если бы такому нежному цветочку оборвали все лепесточки. – Длинные, нежные, как у девчонки, пальцы прошлись по моей щеке в неторопливой ласке, и я снова вспомнила о тараканах.

– Я не отходила далеко от дома.

– Тебе вообще не следовало уходить. Что скажет маменька? Она уж точно будет недовольна.

Начинается... Шантаж – наше все.

Душан подался ко мне и прошептал, намеренно задевая губами мочку уха:

– Но, может статься, она и не узнает. Если мы с тобой, милая Лив, сумеем договориться.

Рука ларгового братца легла мне на талию и тут же сползла ниже, жадно смяв... пальто. Благо ткань была плотной, поэтому я почти ничего не почувствовала, но ладонь все равно закололо.

От желания отвесить ему пощечину.

С детьми мачехи отношения у меня не сложились сразу. Если младшая дочь Стеллы, Арлетта, была просто взбалмошной, капризной стер... нэри, которую я скрепя сердце терпела, то ее наследника в иные моменты терпеть было невозможно.

И Душану влетало.

Солнечная магия сложна и многогранна. Я сама о своем даре мало что знаю и не всегда могу управлять им. Иногда он берет ситуацию «в свои руки» и творит все, что ему вздумается.

Однажды (дело было все в той же кухне) при попытке облизнуть мне губы поцелуем из очага вырвались искры, угодив Душану в одно интересное место. Жаль только, в зад-

нее, а не спереди. Ох и визгу было... В другой раз, летом, после зажиманий меня в амбаре у парня случился тепловой удар, и кожа на лице пошла некрасивыми пятнами. Она потом еще долго облезала, и Душан бегал в комнату сестры за белилами.

Когда стало ясно, в чем причина бед старшей кровиночки, вместо того чтобы осадить сына, мачеха взялась наказывать меня. Видя, что не помогает, переключилась на Фабиана, и мне пришлось изо всех сил сдерживать магию.

Иногда получалось, иногда нет. Кто бы мог подумать, что я буду рада поцелую Снежного, бессовестно выпившего мою силу.

При воспоминании о псевдопокойнике губы будто тысячу иголочек закололо, и я невольно коснулась их пальцами. Душан это заметил и, облизавшись, словно кот в предвкушении кринки молока, положил уже вторую руку мне на зад... на то, что было ниже талии.

Ну знаете ли!

– Моя строптивая, неукротимая Лив, – прошептал этот кретин. – Ты просто не понимаешь, от чего отказываешься. И чем сильнее сопротивляешься, тем больше мне нравишься. В каждом мужчине, знаешь ли, живет охотник. Хищник и укротитель.

В некоторых мужчинах еще живут круглые идиоты.

– Отпусти. – Несмотря на установку держать себя в руках, мой голос дрогнул. – Отпусти немедленно!

– Перестань брыкаться, и твоя жизнь сразу наладится, – тоном ларга-искусителя продолжал Душан, не спеша убирать свои липкие пальцы, не торопясь отводить от меня назойливый взгляд. – Разве тебе не хочется красивых платьев? А украшений? Все это я мог бы тебе дать, если бы ты мне дала... подарила свою любовь.

Несмотря на усталость и слабость, я снова чувствовала, как в груди рассыпаются лучи солнца – яркие, жгучие, огненные. Сила пробуждалась, откликаясь на мои эмоции, которые с каждой секундой все сложнее было сдерживать.

Душан склонился к моим губам.

– Начнем со сладкого поцелуя, а там... будет видно.

Оттолкнуть, ударить коленом, врезать по наглой морде я не успела. Неожиданно кухню наполнил звенящий от негодования голос:

– Это что такое?! Ваше благородие! – В дверях, уперев руки в бока, стояла Дорота.

– Ты что здесь делаешь? – резко отстранившись от меня, процедил Душан.

– Что я делаю? – вскинулась кухарка. – Это вы, молодой человек, что здесь забыли? Молока вам согреть аль чем-нибудь крепким наполнить рюмку? Так это я мигом! И сама принесу. А вы идите, идите... Негоже господину на кухне мерзнуть.

Сколько себя помню, Дорота всегда была рядом. Особенно после смерти папы. Могла бы уйти – Стелла платила ей

жалкие гроши, а такая кухарка, как Дорота, была достойна гор золота. Легко могла бы найти работу не только в Бorge, но и в столице. Например, в доме какого-нибудь богатея Снежного. Да хоть в королевском замке! Но она осталась. Ради нас с братом. Понимала, что мачеха ни за что ее не прогонит (вкусно поесть и Стелла, и детишки любили), а потому не стеснялась осаживать мерзавца.

– Я сам знаю, где мне быть! – тот независимо дернул подбородком, но тут же сдулся под суровым взглядом поварихи.

– Вот и будьте, где хотите, – пожала она плечами, а потом не терпящим возражений тоном добавила: – Но только не на моей кухне.

К счастью, сводный братец не умел убивать взглядом, иначе бы Дорота уже давно была бы мертвой. Он вообще не владел магией, да и особой физической силы в нем не наблюдалось. Изнеженный, избалованный маменькин сыночек.

Единственное, что ему оставалось, – это поскрипеть от бессильной злости зубами и, высокомерно вздернув голову, убраться из кухни.

Когда за Душаном с яростным треском захлопнулась дверь, я не сдержала облегченного вздоха. Стекла на лавку, медленно, непослушными пальцами расстегивая пуговицы пальто, и вскинула взгляд на Дороту.

– Не получилось? – Она все поняла по выражению моего лица.

Я покачала головой, а потом, судорожно вздохнув, при-

зналась:

– Мне, можно сказать, помешали. Снежный помешал.

– Снежный?! – Кухарка округлила глаза.

Судя по тому, как дрогнули руки, она собиралась схватиться за сердце, но в последний момент передумала и нервно смяла пальцами юбку.

Перед Снежными, сильнейшими чародеями Севера, многие испытывали благоговейный трепет. Некоторые их боялись, другие боготворили. Были и такие, как я, которые ненавидели...

А после сегодняшнего у меня стало на один повод больше испытывать к ним столь сильное чувство. Ведь если бы не этот липовый покойник, я бы исцелила своего братишку!

– Негодяй прикидывался сугробом, в который я в погоне за платком случайно влетела.

– В Снежного? – дрогнувшим голосом уточнила Дорота.

– В сугроб, – насупленно ответила я, невольно рисуя в уме застывшее ледяной маской лицо мужчины. Острые скулы, четкую линию носа и губы...

Так бессовестно заклеившие меня поцелуем.

Я продолжала рассказывать, а Дорота тем временем, не переставая охать и ахать, зажгла огонь в очаге и стала греть в котелке воду, чтобы напоить меня горячим успокаивающим отваром.

– И что только господину Снежному могло понадобиться в наших краях? – встревоженно пробормотала она.

Несмотря на близость к столице, в наш городок светлейшие норды заглядывали нечасто, и каждый их визит становился едва ли не праздником. Градоправитель закатывал настоящий пир, с радостью и подобострастием привечая важных гостей, — не селить же светлейших на постоялом дворе. Появление одного из Снежных просто не могло остаться незамеченным. А этот преспокойно валялся себе на руинах храма...

Странно. Очень странно.

— И что теперь будешь делать? — тихо спросила Дорота, ставя передо мной дымящийся отвар.

Вдохнув терпкий травяной аромат, я обхватила кружку руками и стала греть об нее пальцы.

— Буду искать другой способ исцелить брата. Ждать еще год я не собираюсь.

Почему-то вдруг подумалось об оставленных на развалинах варежках. И платке брата. Платок наверняка унесло ветром, а за варежками, наверное, стоит завтра вернуться. Лишней пары у меня не имелось, но это была такая мелочь по сравнению с несчастьем, три года назад случившимся с Фабианом. Мачеха не желала заниматься его лечением, а у меня не было ни средств, ни связей. Только описание обряда, который так долго искала.

Два года поисков, год подготовки...

Столичные чародеи, может, и могли бы ему помочь, но где мы, а где столичные чародеи. Да и не станут они врачевать

за простое чистосердечное «спасибо», а Стелла скорее в монашки пострижется, чем выделит деньги на лечение мальчика.

– Иди спать, милая. Тебе нужно отдохнуть, – ласково проговорила Дорота, мягко касаясь моей щеки теплыми пальцами.

Благодарно ей улыбнувшись, я допила отвар, выудила из кармана нож и, под удивленным взглядом Дороты положив его на стол, поднялась. Поцеловав свою защитницу в щеку, пожелала ей доброй ночи.

Перед тем как отправиться к себе, заглянула к брату. После того трагического случая это стало своего рода традицией – проверять перед сном, все ли с ним в порядке. Сердце сжалось при виде худенького тельца ребенка, свернувшегося под одеялом.

– Я все исправлю. Обязательно исправлю... – прошептала одними губами.

Войдя в комнату, осторожно поцеловала Фабиана, невольно коснувшись его лба губами. Поправила одеяло, провела пальцами по шелковистым каштановым прядям и, горько улыбнувшись, тихо вышла.

В те мгновения я пуще прежнего ненавидела Снежных.

Хьяртан-Киллиан Эртхард

Последнее, что он помнил, – это боль, заполнившую тело,

пронзившую каждую его клетку, и наступившую за ней слабость.

Слабость... Хьяртан-Киллиан Эртхард уже и забыл, а может, и вовсе никогда не знал, что это такое – быть слабым. Да и боль Снежные ощущали иначе, не как простые люди или даже маги. Лишь тихие, приглушенные ее отголоски...

Но то, что он испытал этой ночью, едва ли можно было назвать жалкими отголосками.

За слабостью последовала тьма – глубокая, холодная, вечная. Он почти сдался, почти вдохнул мертвенное дыхание смерти. Почти отпустил этот мир или миру позволил себя отпустить... И вдруг ощутил тепло, свет... саму жизнь.

У жизни были невозможно яркие зеленые глаза, широко распахнутые от удивления или страха, и сумасшедшие притягательные губы: розовые, сочные, пухлые. К ним он и подался, испытывая острое, непреодолимое желание прижать к себе это странное создание, вобрать в себя ее жизнь.

Он пил, пил ее дыхание, ее жар и не мог остановиться. Голова снова закружилась, но уже не от слабости, а от небывалого прилива сил. Поцелуй оказался крепче бутылки фрионского, и, наверное, если бы девчонка его не оттолкнула, он бы выпил ее досуха.

Ее силу. Ее жизнь.

К счастью, незнакомка со странной магией, обжигающей и одновременно пьянящей, так непохожей на его собственную, оказалась не из пугливых. Оттолкнула, ударила его в грудь

своим маленьким кулачком, вскочила на ноги.

В голове все еще гулял хмель, пока Хьяртан наблюдал за исчезающей в лабиринте стен фигуркой в бесформенном тупе. Руины Борга... Он хорошо помнил, как выслеживал гротхэна в столичных предместьях. Вместе со своими воинами следовал за тварью до границы Ледяного леса, а дальше...

А дальше только ларгам известно, что с ним стало.

Выругавшись сквозь зубы, мужчина поднялся. Невольно пошатнулся и подумал, что был бы не против позаимствовать у беглянки еще немного ее странной магии. Еще, хотя бы на пару секунд, ощутить сладкий вкус ее губ и пьянящую силу, проникающую в него вместе с дыханием зеленоглазки.

На нетвердых ногах Хьяртан обошел руины старого храма, в котором когда-то, очень давно, поклонялись Забвенным, но девчонки, как и ожидал, здесь уже не было. Только на обломках алтаря темнела маленькая, будто снятая с ребенка, потертая варежка. Вторая такая же лежала в снегу. Мужчина поднял и ее, задумчиво повертел перед глазами, а потом прикрыл веки, ощущая исходящие от вещи слабые отголоски силы.

Ее силы.

Казалось, варежки все еще хранили тепло рук девушки, как его губы хранили тепло их поцелуя. И почему он продолжает об этом думать? Почему продолжает о ней вспоминать? Куда важнее сейчас понять, что с ним произошло, как

он оказался в этом городишке, где его люди и удалось ли им уничтожить гротхэна.

Эртхард вернулся к тому месту, что чуть не стало его могилой. Снег усилился, быстро замечая малейшие следы, Скрывая пятна крови на белоснежном покрове, припорошивая крупной крошкой какой-то лоскут... Платок. Стоило его коснуться, как стало ясно, что и эта вещьца в багровых пятнах принадлежала его спасительнице.

То же ощущение тепла, света, жизни и... чего-то еще. Какой-то тьмы, черноты, чего-то злого, отчего захотелось бросить платок обратно в снег. Но Хьяртан не стал этого делать. Вместо этого спрятал в карман, добавив к другой своей находке. А потом, выпрямившись, сделал рукой пасс, очерчивая в воздухе некое подобие круга.

Обычное действие, такие простые чары заставили мужчину поморщиться. Не сразу, лишь спустя несколько секунд во тьме замерцали морозные узоры, принимая очертания портала, открывая перед ним дорогу в Эрнхейм.

Скорее... скорее добраться до замка, прийти в себя. А потом уже он докопается до правды. Разберется и выяснит, что, стужа побери, с ним случилось!

Глава 2

Ливия Селланд

– Ливи! Ливия-а-а!

Спросонья можно было подумать, что по мою душу явился гротхэн. Так называли тварей, приходящих из снежных завес. Монстров, оборачивающихся вихрями снега и льда, способных уничтожить в считанные минуты целые города. Если бы на их пути не стояли Снежные... да-да, те самые Снежные, которых я всем сердцем ненавижу и один из которых меня вчера целовал...

От воспоминаний о поцелуе сон как рукой сняло. Я подскочила на постели в предрассветной темени, кончиками пальцев стирая с горящих губ воспоминания, и в этот миг назойливый вопль повторился:

– Ливия-а-а!!!

Разумеется, это был никакой не гротхэн. Орала моя сводная сестрица Арлетта, обладавшая поистине незабываемым голосом: один раз услышишь – хочется забыть, но вряд ли получится. Ее матушка, а моя мачеха Стелла сетовала на нехватку денег: мол, кабы не денежные проблемы, можно было бы отдать девицу в обучение пению, и она бы украшала

собой оперные театры, исполняя самые известные арии. Как по мне, в исполнении Арлетты особенно удачно выходили арии, вот как сейчас.

– Ливия! Да куда ж ты подевалась, мерзавка?!

Вздохнув, сунула ноги в стылые ботинки и стянула со стула халат. Если она продолжит так орать, разбудит Фабиана, а этого мне не хотелось. Пришлось подхватить свечу, щелкнув пальцами, запустить жизнь в крохотный фитилек и впотьмах пробираться к сестрице в комнату.

За особые заслуги – читай, за незабываемый голос – Арлетту поселили в том же крыле, где спали мы с Фабианом. Ей единственной обустроили в неотапливаемой части дома комнату, но мачеха, любившая похвастаться не получившим развития голосом дочери перед гостями, категорически отказывалась терпеть его по ночам. Душан тоже счастья по этому поводу не испытывал, так что они с маменькой наслаждались тишиной, а я вот... иду выяснять, что случилось у потенциальной оперной дивы.

– Что случилось? – так и поинтересовалась, заглянув в комнату к сводной сестре и поставив подсвечник на комод.

– Окно закрой. Дует. Да побыстрей! Ты где так долго шлялась? – пожелания «доброго утра» выплеснулись на меня щедрым потоком, окатив с головы до ног.

Арлетта поджала губы и указала на едва приоткрытое окно. В узкую щель слабенько тянуло морозцем. В этой комнате он, к слову, был не лишним. Здесь было столько обогре-

вательной магии, что я подавила желание распахнуть халат и чем-нибудь обмахнуться.

– Во-первых, еще петухи не прокричали, – терпеливо начала я. Да и зачем нужны петухи, когда есть Арлетта. – А во-вторых, мы с тобой неоднократно обсуждали, что я не твоя служанка. Поэтому, если тебе холодно, ты делаешь так: поднимаешься, перебираешь ножками, подходишь к окну и закрываешь. Орать на полдома при этом не обязательно, тем более будить меня.

Арлетта открыла рот:

– Ах ты...

Эта история тянулась не один год. С того самого времени, как мачеха промотала почти все состояние отца на наряды себе и дочке, а еще на красивую жизнь, которой была (по ее сугубо личному и весьма нескромному мнению) более чем достойна, и от нас разбежались все слуги. Остались только Дорота и Бруно, наш конюх и по совместительству садовник, с которым мы вместе ухаживали за садом и лошадьми. Дороте я часто помогала на кухне, а еще занималась уборкой – не могла допустить, чтобы дом, созданный с такой любовью моими родителями, медленно угасал и чах под слоем пыли и в неухоженности.

Мачеха с Арлеттой с радостью поддерживали мою инициативу и решили, что из меня получится отличная прислуга. Правда, служанкой для них я быть не собиралась. В итоге после многочисленных конфликтов, угроз и обещаний ли-

шить меня с братом содержания, потому что мы живем на их деньги (на самом деле – на то немного, что еще оставалось от доходов отца), я высказала весомый аргумент: а если вдруг кто прознает, что Ливия Селланд прислуживает мачехе и ее детям, какая слава о них пойдет?

Больше всего на свете Стелла боялась, что ее посчитают злодейкой, не говоря уже о том, что злодейкой посчитают ее дочку на выданье, поэтому вопрос с прислуживанием мы благополучно закрыли.

Но не Арлетта.

– Окно, Ливи, или я... – скомандовала она, угрожая сощуриив глаза, болотно-серые, один в один как у брата.

И такие же вечно взлохмаченные волосы – солома и по виду, и по цвету.

– Или – что? – поинтересовалась, сложив руки на груди.

– Пожалуюсь матушке! А она твоего любимого братца накажет! – заявила Арлетта и высунула язык.

Со стороны подобные угрозы от девицы ее возраста смотрелись бы смешно, если бы она не упомянула Фабиана. Стоило о нем подумать, внутри взвился столп маленьких огненных искр.

– Я тебе не служанка, – повторила ледяным тоном, шагнув к ней вплотную. Над пальцами вспыхнул огонек, и Арлетта с визгом натянула одеяло до подбородка. Я не стала гасить пламя – пусть себе горит, оно не причиняло мне вреда, просто мягко облизывало кончики пальцев, согревало теп-

лом солнечной магии. – И этот момент мы с твоей матерью обсудили.

– Тогда скажу, что ты мне магией угрожала! – не унималась Арлетта, хотя опасливо отползла на противоположную сторону огромной кровати с мягкой периной и шелковыми простынями.

– Разве? – Огонек вспыхнул сильнее, отразившись в зрачках сводной сестрицы, в кои-то веки сделав ее глаза ярче, и тут же погас. – Я никогда тебе не угрожала и тебе советую поступать так же. Особенно в отношении Фабиана. Доброго утра, сестрица.

Не дожидаясь ответа, под ее возмущенное пыхтенье развернулась и вышла. Путь к себе по продуваемому сквозняком коридору был не таким уж долгим, а моя комнатушка, в отличие от комнаты Арлетты, встретила меня привычным холодом и завыванием ветра, недовольного тем, что на его пути попался угол нашего дома. Остывшая постель со вмятиной на стареньком матрасе уже не казалась манящей, да и не засну я больше. Петухи хоть и не кричали, но вот-вот закукарекают. Ночи в это время длинные, темные, а утро всегда кажется таким далеким...

Вздохнув, выглянула во двор. Мне бы хоть треть магии, которой обладала мама: мощной, солнечной, наполняющей все вокруг жизнью и светом, и я бы без труда и безо всяких сложностей исправила то, что произошло с Фабианом. А так...

Отбросив невеселые мысли, поставила свечу на подоконник и стала застилать постель. Потом спущусь на кухню, помогу Дороте с завтраком, а уж после примусь за уборку. Завтра у Душана День появления. В честь такого важного события в гости придут соседи, и все должно быть идеально. За день я с уборкой точно не управлюсь, поэтому начну сегодня.

Мне всегда казалось, что, ухаживая за домом, я становлюсь ближе к родителям. Прикасаясь к статуэткам, вытирая с них пыль, я будто отдавала им дань памяти, поэтому уборка не была мне в тягость. Коснувшись медальона, который никогда не снимала, раскрыла его с легким щелчком, взглянула на миниатюрный портрет дорогих моему сердцу людей.

– Люблю вас, родные, – улыбнулась им.

И показалось, что папа – серьезный, сосредоточенный, и мама – сама как солнышко – на мгновение улыбнулись в ответ.

– Опять встречалась с целителями? – спросил брат, стоило мне расставить наш нехитрый завтрак на деревянном подносе-столике.

Я, собиравшаяся налить ему чаю с душистыми травами, замерла.

– Ты о чем?

– А то я не знаю. – В голубых глазах брата, так похожих на мамины, сверкнул мрачный огонек. – Не спал я вчера, когда ты пришла. Только вид сделал.

– Не спал? – Я растерялась.

– Притворился просто, чтобы не волновалась. Просил же тебя: хватит, оставь! Брат сдвинул брови и сразу стал похож на отца. Он как-то быстро повзрослел после той трагической случайности, уложившей семилетнего мальчика, такого озорного, подвижного малыша, в постель.

В тот год в наш городок приехали Снежные. Почета и почестей было до небес! Остановились они, разумеется, в самой лучшей гостинице, их встречали так, что предстоящий зимний праздник померк на глазах. Я Снежных терпеть не могла! Но Фабиан так хотел посмотреть... и мы тайком от Стеллы ближе к вечеру сбежали в город вдвоем. Там всюю предпраздничные гуляния и восхваление наших защитников от гротхэнов. Ярмарка пестрела огнями, переливалась сверканием шаров, флажков и прочих украшений. На магические у нашего градоправителя средств не нашлось, но зачем магия, когда сами Снежные в гостях!

Их было трое, трое светлейших нордов, и все красавцы, как на подбор: светловолосый, рыжий и брюнет. Незамужние девушки ахали и вздыхали, да что там незамужние – замужние тоже ахали, тайком. Выходили поглазеть... Стелла с детьми не стала исключением, велела Бруно заложить коляску, и они укатили в город, только поэтому нам с братом и удалось вырваться. Коляска или экипаж нам не светили, поэтому мы бежали изо всех сил: я, сжимая в руке затянутую в варежку хрупкую ладошку брата, и он, мечтающий увидеть

Снежных до того, как все закончится.

Что касается меня, я испытывала смешанные чувства, с детства привыкшая к тому, что Снежные – наши защитники, берегущие нас от чудовищ, порождений потусторонней магии, черпающих живую силу в нашем мире. При мысли о светлейших нордах меня охватывало волнение и предвкушение, какое может испытывать девочка моих лет. Тогда мне было пятнадцать, но о том, что сделали Снежные, я узнала намного раньше, подслушав разговор отца и Стеллы.

Она собиралась закатить истерику, когда застала его у портрета мамы, ранее висевшего над камином в гостиной. Он и после второй свадьбы там еще висел, но потом Стелла донылась до того, что это несправедливо, что скажут люди – и отец уступил. Убрал портрет мамы на чердак, но частенько наведывался туда, я-то слышала, как скрипят старые половицы под его ногами.

Там-то и состоялся их с мачехой разговор, который впечатался мне в память и не желал покидать.

– Да что ж я чувствую себя вдовой-то при живом муже! – причитала она. – То нет тебя, то, как приходишь, все витаешь где-то, то сидишь рядом с ней... А ведь ее уже сколько нет. Разве по-доброму это, Иштван? Ко мне? К детишкам моим? Или я не вижу, как ты своих выделяешь!

– Не могу я от чувства вины избавиться, – голос отца звучал глухо. – Все кажется, не будь я тогда в отъезде, мог бы все изменить. Но теперь не могу... Что ни делаю, а лицо ее

перед глазами стоит, когда мы прощались. Как немой укор...

— Ну не кори себя. — Снова заскрипели половицы, Стелла сменила гнев на милость. — Твоей вины в том нет. Да и что бы ты сделал? Что ты мог противопоставить Снежным?

На этих словах мое сердце забилося сильнее, я подкралась еще ближе и затаила дыхание, стараясь не пропустить ни слова. Мне сказали, что мама зимой пошла в лес, якобы по просьбе лесничего спасти какого-то пострадавшего зверя, пошла — и заблудилась, не вернулась уже. Но я тогда маленькая была, как сейчас Фабиан, ничего не хотела слышать и только плакала, плакала... целыми днями плакала, пока не увидела, как стоит, сгорбившись, над колыбелькой брата отец.

В тот момент слезы высохли, и я поклялась, что сделаю все, чтобы мои родные были счастливы. Поэтому ни слова не сказала, когда однажды отец привел в дом Стеллу. Поэтому всегда улыбалась Душану и Арлетте — до свадьбы отца и мачехи они были самыми милыми детьми на свете.

Потерять мать было тяжело, но еще тяжелее оказалось услышать то, что я узнала тогда!

— Она по своей воле с ними ушла. А то, что магия ее опасна для них, — так кто ж виноват в этом. Солнце и снег только зимой уживаются, да и то недолго.

— Говорят, казнили ее быстро. Не мучилась она, — тяжело выдохнул отец.

Отшатнувшись, я зажала руками рот.

Маму? Мою солнечную светлую маму... казнили? За что?! Из глаз брызнули слезы, я бросилась вниз, споткнулась, чуть не сосчитав ступеньки локтями, коленями и головой, поднялась, и снова бежала, бежала...

Вспомнилось, как к нам приходили мужчины – серьезные, мрачные, проверяли меня и брата на магию. И как стоял, кусая губы, отец. Только во мне магии в те времена не было, она позже проснулась, как раз в тот вечер...

– Богиня-мать, ну какие же красавчики! – доносились до меня восхищенные голоса девушек и женщин, когда открытый экипаж Снежных показался на центральной улице Борга: только здесь он и мог проехать. По толпе понеслись ахи, охи и вздохи, все рукоплескали, дети верещали, мужчины подкручивали усы, стараясь хоть как-то выделиться перед своими супругами или невестами на фоне недостижимых светлейших нордов.

– Подними меня, Ливи! – Фабиан дернул меня за подол, умоляюще заглядывая в глаза.

Ну как ему отказать?

Поднапрягшись, подхватила брата под мышки, чтобы ему было виднее. Собиралась уже приподнять, когда экипаж остановился.

– Приветствую вас, жители Борга! Один из Снежных выпрыгнул из коляски и, обведя взглядом присутствующих, театральным жестом вскинул руки. С них сорвались снежные вихри, закрутились, заискрились, а потом взмыли в небеса,

чтобы раскрыться ослепительными золотыми шарами, елочками, цветами.

Все восторженно ахнули, Фабиан закричал и принялся прыгать, открыв рот и пытаясь языком поймать хотя бы одну магическую снежинку, оседающую после устроенного Снежным представления, а я стояла, сжав руки в кулаки, стараясь не выдать своих чувств при виде хозяев Севера.

Как они могли... Чем им помешала моя мама? Как ее магия могла кому-то навредить? Мама в жизни никому не вредила! Но ведь не этот же конкретный ее забрал и приказал казнить? Или... этот? Обуреваемая чувствами, раздираемая на части мыслями, я смотрела на них, пока вдруг брат, очарованный происходящим, не рванулся навстречу Снежному.

– Светлейший норд! Светлейший норд! – Он проскользнул мимо людей, увернулся от рук высокого градопорядчика в форме, попытавшегося его схватить, и, к моему ужасу, остановился прямо перед рыжим. Я тоже бросилась вперед, но куда там – меня тут же оттеснили, только и оставалось смотреть, как Снежный переводит взгляд на моего брата.

– Ну, здравствуй. – Мужчина наклонился к нему, жестом приказав остановиться стражу, пытавшемуся утащить мальчика. – Как тебя зовут?

– Фабиан!

– Приятно познакомиться, Фабиан, – голос звучал низко, как звучит зимняя выюга в низинах гор. – Хочешь подарок к празднику?

– Конечно хочу!

– Какой?

Фабиан оглянулся. На меня. На всех остальных собравшихся, на детей, которые теперь смотрели на него во все глаза. – Горку хочу!

– У вас тут нет горок?

– Маленькие. А я большую хочу! Для всех! И чтобы ле-
тишь – и дух захватывало!

– А мальчишка-то не промах, – расхохотался брюнет. Он сидел, постукивая пальцами по спинке экипажа, на лицо падала тень – не разглядеть. А блондина было видно хорошо. Холеное лицо затянула скука, он поглядывал на собравшихся с плохо скрываемым превосходством.

– Хочешь горку? Будет тебе горка! Хьяр, Дойн, помогите?

– Почему бы и нет. – Брюнет, легко оттолкнувшись, выскочил прямо в хрустящий снег, а блондин отмахнулся.

– Без меня.

Мне показалось, что даже на своих друзей он смотрел свысока, но вскоре о нем все забыли. Светловолосый уехал, а двое Снежных за какие-то полчаса превратили городской пустырь в самое настоящее счастье для детей! Горки самых разных размеров, волнообразные, треугольные, для санок и для простеньких каталок; ледяные домики и скульптуры. лед и снег вокруг словно ожили, подчиняясь их магии.

Персонажи разных сказок и впрямь оживали, ледяные статуи говорили с детьми, кто-то приглашал покататься на

санках, кто-то объяснял, как правильно подниматься на горку... а в центре всего этого великолепия возвышалась красавица-елка высотой, кажется, до неба. Ледяная, переливающаяся сотнями магических огоньков, сверкающих, сотканных из магии шариков, игрушек, хлопушек. Стоило дернуть такую, и она рассыпалась искрами, оседающими на волосах и одежде снежинками.

Не в силах поверить собственным глазам, я замерла у елки: каждая ее иголочка, наполненная силой магии Снежных, дрожала и переливались кристалликами льда. Залюбовавшись этим великолепным творением, я подумала: разве мог бы тот, кто дарит столько радости детям, обречь на смерть мою маму? Залюбовалась, почувствовала на себе пристальный взгляд, обернулась... и миг стало жарко даже на холоде.

На меня смотрел тот самый брюнет, только стоял он опять в тени, будто не желал показывать свое лицо. Ну и ладно, не очень-то хотелось!

Вскинув голову, я шагнула к Фабиану.

– Пойдем. Нам пора возвращаться, пока Стелла обо всем не узнала.

– Ну, Ливи, я хочу прокатиться с горки!

– Покатаешься завтра...

– Завтра нас Стелла точно никуда не отпустит! Ну, пожалуйста, пожалуйста!

В его голосе было столько мольбы, что я просто не сумела

отказать. А надо было. Или надо было залезть с ним на ту проклятую горку, но я побоялась за платье. Нового у меня не было, а если это порвется, не в чем будет праздновать, в штопаном тоже ходить не хотелось, да и от Стеллы влетит.

Поэтому я осталась и с улыбкой наблюдала, как брат, весело хохоча, катится с горки... Не сразу заметила, что следом за ним летит мальчишка на санках, хотя на санках катались с другой горы...

– Ливи! – сердито произнес Фабиан, и я вернулась в реальность. – Ты слышишь меня?!

– Слышу, – вздохнула. – Завтракаем?

– Только после того, как пообещаешь, что перестанешь бегать по целителям и знахаркам.

Как я могла это пообещать?

Каждый раз, глядя, как он с тоской смотрит в окно на летящий снег, каждый раз, вспоминая, как мы с ним лепили снеговиков, как он удирал от меня с визгом или прятался, а я нарочно его «не находила»... А это ведь только детство. Сколько всего у него должно было быть... и будет. Будет! Клянусь маминой памятью.

– Я не бегаю по целителям и знахаркам. Я нашла заклинание, – сказала спокойно.

– Заклинание?

– Да, которое на самом деле может тебе помочь. Просто...

Просто очередной Снежный ларг все испортил. Еще и целоваться полез. Нелюдь!

– Просто?..

– Прошлой ночью сорвалось, но я обязательно попробую снова.

Фабиан отвел глаза. Плотнo сжал губы, а потом резко вскинул голову.

– Нет!

– Что – нет?

– Прекрати этим заниматься! – закричал он. – Прекрати давать мне надежду! Неужели ты не понимаешь, Ливи? Каждый раз ты уходишь с мыслью – а вдруг все получится? И я думаю так же! А потом ты приходишь поникшая, и все. Я понимаю, что нет. Ничего не будет.

– Все будет, – сказала тихо, но твердо. – Я найду способ все исправить.

– Фабиан хотел отвернуться, но я перехватила его взгляд:

– Я когда-нибудь нарушала свое слово? Хотя раз не сдержала обещание?

Брат помотал головой.

– Вот именно. Так что мы еще побегаем и покатаемся с горок. А теперь давай завтракать, пока не остыло.

– Уже остыло, – фыркнул он, ковырнув ложкой кашу. – Ну и ладно.

Я попробовала: стоявшая в открытых тарелках каша действительно была холодной, но чай еще дымился. Чаем и согревалась. А еще уютными разговорами и смехом Фабиана, который для меня всегда звучал как самая прекрасная му-

зыка.

За несколько часов до этого

Хьяртан-Киллиан Эртхард

Портал перенес его прямо в замок: мрачного, уставшего, раздраженного. Хотя, наверное, уместнее было бы сказать – разъяренного. Хьяртан не знал, на кого он больше злился: на неведомые силы, едва его не погубившие, или на самого себя.

Потому что допустил это.

Не почувствовал угрозы, поджидавшей его опасности, а теперь как самый обычный смертный умирает от усталости. И из-за чего? Из-за создания одного ларгового портала?

Мужчина ускорил шаг, мечтая кого-нибудь растерзать.

– Ларги! А вот и он! – своеобразно поприветствовал его Бьяртмар и бросился навстречу, едва не сбив с ног не успевшего вовремя отскочить стражника.

Стоило Хьяртану появиться в Зале собраний, полном Снежных, как тревожный гул голосов сразу стих. Взгляды чародеев – обеспокоенные, удивленные – обратились к нему.

– Куда ты исчез?! Тебя все ищут! – первым подскочил к брату Бьяртмар.

Следом за рыжеволосым Снежным из кресла поднялся другой: молодой мужчина с длинными светлыми волосами и прозрачно-голубыми глазами, будто выцветшими под лучами столь редкого в этих краях солнца. Оба выглядели обеспокоенными, если не напуганными внезапным исчезновением его величества.

– Как я погляжу, ищут все, кроме вас, – мрачно усмехнулся Хьяртан, стараясь совладать с эмоциями, и невольно поморщился от боли, острым кинжалом полоснувшей по ребрам.

– Мы тоже искали, но потом поняли, что толку от нашей беготни немного, и вернулись в замок, чтобы попытаться отыскать тебя зовом крови, – спокойно проговорил светловолосый Снежный по имени Дойнарт.

Остальные собравшиеся следили за их разговором на почтительном расстоянии, не решаясь вмешиваться.

– Но ты нашелся раньше, – с облегчением подхватил Бьярт.

– И тебе не пришлось резать руки. – Хьяртан попытался улыбнуться, пошутить, но тело снова пронзила острая боль.

Его братья одновременно опустили взгляды, и Дойн напряженно выронил:

– Ты ранен...

– Ерунда. Что с гротхэном?

– Тварь скрылась за завесой.

Значит, упустили...

Значит, вернется. Только мертвый гротхэн мог отказаться от поживы.

– К ларгам гротхэна! Что с *тобой* случилось?! – взволнованно воскликнул рыжеволосый, А его старший брат холодно приказал:

– Лекарей в покои его величества! Немедленно! – И, переведя взгляд на Хьяртана, добавил: – Пойдем. По дороге расскажешь.

Прежде чем покинуть Зал собраний, Хьяртан отдал приказ: отправить отряды Снежных в ближайшие поселения и города. В том, что чудовище вернется, он не сомневался. Вопрос был в другом: вернется один или приведет с собой компанию.

– В Борг – два отряда.

Он и сам не понял, зачем это сказал. Опомнился, уже озвучив приказ, и снова невольно подумал о колдовских зеленых глазах, порозовевшем от мороза нежном личике и таких манящих губах.

И тут же разозлился на себя за эти мысли.

Ларги! Да сдались ему губы какой-то безродной девицы!

Можно подумать, он никогда раньше никого не целовал. Можно подумать, губы прошлых его фавориток и нынешней были хуже. В отличие от отца Хьяртан не желал заводить рабынь, не хотел удерживать любовницу возле себя силой. Да и зачем, когда каждая вторая, если не первая свободная (и не только) нэри при дворе мечтает о его внимании.

Нет, птица в клетке ему без надобности.

– Хьярт, хватит... О гротхэне мы позаботимся. – Бьярт-мар коснулся его локтя, отрывая от размышлений о девушке со странной силой.

Наверное, потому о ней думает – из-за ее живительной магии.

Магии, при одном лишь воспоминании о которой по векам будто побежало пламя, и на какой-то миг показалось, что силы к нему возвращаются.

Жаль, лишь на миг, спустя который он снова почувствовал себя слабаком.

Хьяртан кивнул и последовал за стражей и братьями, оставив неудовлетворенным любопытство собравшихся в зале. То же самое – невысказанные вопросы – читались и в глазах придворных.

Знать почтительно кланялась, приветствуя и провожая правителя и его братьев. Хьяртан заметил среди нарядно одетых нэри Хелену. Подвластная невольному порыву, она подалась к нему, но тут же следом за другими придворными дамами опустила в реверансе. Даже статус фаворитки не давал ей права приближаться к правителю на глазах у придворных.

Только за закрытыми дверями спальни.

– Ты будешь говорить? – нетерпеливо воскликнул Бьярт, когда позади остались придворные и согретые пламенем каминов залы.

– На тебя кто-то напал? – спросил Дойн и, нахмурившись, добавил: – Но кому, кроме гротхэна, хватило бы безрассудства напасть на Снежного?

– Не знаю, но хочу это выяснить, Прямо-таки умираю от желания узнать имя самоубийцы. – Лед в голосе Хьяртана едва ли не шипел от врывающихся в него искр ярости.

– Ты не видел лица нападающего? – растерянно пробормотал младший брат. – Как так?

– И это я тоже очень хотел бы знать.

Пришлось рассказать о странной потере памяти и о том, что пришел в себя на окраине крошечного городка, который, еще будучи принцем, посещал вместе с братьями три года назад.

Наверное, стоило упомянуть и о девушке, вдохнувшей в него жизнь, но они уже подошли к его покоям, возле которых топтались королевские целители.

– Ваше величество! – Лекари бросились к Хьяртану и следом за ним прошли в спальню.

Глава 3

Ливия Селланд

Весь вчерашний день прошел в уборке и обсуждении меню ко Дню появления Душана, а сегодняшний должен был пройти в готовке. Такое количество блюд, которое мачеха затребовала на праздничный ужин, Дороте было бы сложно приготовить одной, поэтому я вызвалась помочь.

– Уже отдыхала бы ты, деточка, – сказала кухарка, когда я пришла к ней на кухню забирать завтрак для себя и Фабиана.

– Отдохну вечером, – улыбнулась ей в ответ. – Как гости придут, так и отдохну. Стелла сказала, чтобы я из комнаты не высывалась, вот и не буду.

– Ох!

– Мне так даже лучше, – честно призналась. – Кроме того, мы договорились с Фабианом: будем сочинять истории под волшебные фонари.

– Да, помню... – Дорота широко улыбнулась. – Нам с сестрой тоже родители сказки показывали всякие да легенды рассказывали, как родились солнечная и снежная магии, одна как жизнь, а другая как смерть сама. Первая дарила тепло и во свет погружала, а вторая – в снега, холод да зиму. Поэто-

му и стали они противниками друг друга вечными, поэтому и случилась Солнечная война, когда... Ох! – повторила она и осеклась. – Прости, девочка. Совсем забыла, что для тебя это не просто сказания и история.

– Ничего. Все хорошо. – Я взяла поднос со стола. – Спасибо, Дорота. Позавтракаем, и приду тебе помогать. Лучше заранее приготовимся.

– И то верно, – вздохнула она. – А то если что не успеем... Кухарка не договорила, мы и так знали, что все должно быть готово не просто вовремя, а лучше за час до «вовремя». Исключая, пожалуй, горячее. Стелла сегодня раз десять забежит удостовериться, что мы на кухне не отсиживаемся и не прохлаждаемся.

Чтобы не ударить в грязь лицом перед гостями, нужно было приготовить десять салатов, жаркое, запеченного гуся, поросенка в яблоках и огромный торт. Расписать его шоколадом, а сверху выложить двадцать четыре карамелизованных лесных ореха – ровно столько сегодня исполнялось Душану. Словом, заняться было чем, поэтому я спешно поднялась к Фабиану и так же быстренько поела.

После завтрака собрала посуду, помогла брату с утренними процедурами, а потом побежала в библиотеку, чтобы взять ему книгу. Мы с ним очень любили читать: я больше интересовалась историей и романтическими новеллами. Была бы рада почитать что-то о магии, но в нашей библиотеке такого не имелось. Стелла с детьми литературой не интере-

совались, поэтому небольшая родительская библиотека стояла в запустении. Если бы я не убиралась, наверное, здесь бы все заросло паутиной и покрылось пылью.

Вытащив второй том приключенческого романа, которые так нравились Фабиану, сунула книгу под мышку. И тут мое внимание привлекло странное углубление за соседними томиками. Я удивленно приподняла брови.

– Это что еще такое?

Сколько раз проходилась здесь тряпкой, ни разу не замечала. Хотя, возможно, из-за того, что убиралась на скорую руку: сдвинула книги в сторону, протерла пыль на полке, быстро смахнула ее с обложек да корешков и дальше побежала.

Раздвинув книги в стороны, я увидела, что углубление высотой с небольшой книжный томик. Едва коснулась его пальцами, погладила шершавую поверхность дерева, как раздался глухой щелчок. От неожиданности я ойкнула, потому что пальцы ужалило искрой – огненной искрой, с ума сойти!

Углубление оказалось крышечкой, которая слегка приоткрылась. Я осторожно потянула ее на себя и увидела внутри сверкающий... Это что, ошейник?!

От удивления даже мысли пропали. Я вытащила странную штуковину, переливающуюся в морозном солнечном свете. Тончайшая золотая пластинка была инкрустирована слезами гротхэна – так назывались драгоценные камни, которые находили в самых дальних снегах, и стоили они целое состо-

яние!

Я знала об этом, потому что Стелла выпросила у отца колечко с крошкой такого камня, но даже оно стоило уйму денег. Как тогда мачеха сияла, как хвалилась перед всеми! Здесь же были камни размером не то что с лесной орех, с половину моего мизинца! Крупные, они сверкали так, что было больно глазам. И не только глазам... Сжимая в ладони странное украшение (если можно так назвать ошейник), я почувствовала странное жжение и внезапно накотившую легкую слабость.

– А-а! Ливия-а-а! – раздался совсем рядом рев Стеллы.

Что ни говори, а страсть к ориям у них семейная. Не успев толком оправиться от первого потрясения, я выглянула в коридор и увидела наступающую мачеху.

– Ты! – пыхла она. – Ты... ты!!!

Из-за ее плеча выглядывала зареванная Арлетта, тряся рукой и указывая на меня.

– За что, матушка? – всхлипывала она. – Я ведь ничего ей не сделала! А она мне снова надерзила и обожгла!

Что?! Да я ее сегодня видеть не видела! Прежде чем эта мысль успела оформиться, Стелла шагнула ко мне, уперев руки в бока. Я же свои быстренько отвела за спину: нечего тут драгоценными ошейниками сверкать.

– Ты что о себе возомнила?! – раздувая ноздри, заявила она, возвышаясь надо мной на добрую голову. Или, в случае Стеллы, на злую, но это детали. – Думаешь, если я к тебе

мягко и бережно отношусь, то позволю над Арлеттой измываться?

Мягко? Бережно? Это она обо мне?

– Арлетту я сегодня не видела, – ответила бесстрастно, спокойно выдерживая натиск нависающей надо мной мачехи. – И по этой причине обжечь ее у меня бы не получилось. Даже при всем желании.

Вот не зря Дорота говорит, что язык мой – враг мой. Стелла потемнела лицом, а потом вытащила вперед зареванную Арлетту, надо признаться, весьма искренне зареванную, и сунула мне под нос ее руку. Всю в волдырях. От неожиданности я отпрянула и только потом сообразила – это же после вчерашнего! Сестра решила мне отомстить и, чтобы это сделать, сама сунула руку в огонь. Ненормальная!

Точно ненормальная.

Но насчет мести я угадала: стоило мачехе ее отпустить, как она, глядя на меня, заухмылялась.

– Все! Достаточно ты мое терпение испытывала. Сейчас же на конюшни отправишься, прикажу Бруно тебя выпороть. Что?!

– Что тут происходит? – голос Душана раздался очень вовремя. Или очень не вовремя – это как посмотреть. Подкрался брат сзади как поисковая магия Снежных, неслышно и незаметно.

– Эта мерзавка опять над твоей сестрой издевается! – прошипела Стелла. – Мало ей тебя было, так нет же, и Летту

теперь обожгла! Ну, это ей с рук не сойдет...

– погоди, маменька. Ты об этом ожоге? – Душан обошел меня, не забыв кинуть плотоядный взгляд, из-за чего руки зачесались... огреть его ошейником. Даже несмотря на то, что драгоценный! Ошейник, разумеется, а не Душан. – Вот об этом? – Он сцапал сестру за запястье, та рванулась, но Душан держал крепко. – Так это сестрица в камине угли поворошить решила, один ей прямо на руку и отскочил. При чем тут наша красавица Лив?

Стелла открыла рот. Закрыла. Потом снова открыла и закрыла. Я готова была поддержать мачеху в ее чувствах, потому что уж кем-кем, а рыцарем в сияющих доспехах Душан точно не был. Скорее они с Арлеттой соревновались, кто больше напакостит.

Да и с чего бы ему меня защищать?

– Да-да, маменька, я сам видел, – с кристально честным взглядом подтвердил Душан. – Так что, как я понимаю, здесь произошло какое-то странное недоразумение. Или... нет? Или Арлетта решила оболгать Лив? Ай-ай, как некрасиво, сестрица.

– Ничего не понимаю. – Мачеха переводила взгляд с сына на дочь и обратно. Будь на ее месте я, меня не стали бы даже слушать, но Душан у Стеллы ходил в любимчиках. Между ним и дочерью она всегда принимала сторону сына, поэтому сейчас только рывкнула: – Арлетта!

– Ненавижу тебя! – прошипела девица. – Чтоб ты сдох!

Чтоб тебе кислые грибы попались, и ты всю ночь с нужника не слезал!

– Вот и все поздравление с появлением. – Душан развел руками и подмигнул мне.

– Арлетта! – рывкнула Стелла более грозно, Правда, тут же голос понизила, явно собираясь отчитать дочь, когда снова заговорил братец:

– Придешь сегодня на праздник в честь моего Дня появления, Лив?

Моя челюсть, и без того отвисшая после его поступка, сейчас потянулась вниз с неумолимой силой.

Что это на него нашло?

– Все! Решено! Маменька, Лив должна присутствовать на моем празднике. – Душан хлопнул в ладоши, не дожидаясь ответа. – И вот тебе железный аргумент, если сомневаешься: нельзя ее постоянно прятать, она же наша сестра. Скоро слухи пойдут... Если уже не пошли.

– Но как же, – окончательно растерялась Стелла, – У нее же нет платья...

– Арлетта одолжит. Она у нас провинилась, вот и одолжит. Правда, сестрица?

Сестрица явно собиралась сказать все, что думает о братце, но под тяжелым взглядом Стеллы стушевалась, буркнула:

– Угу. – И поспешила ретироваться.

– Что ж, я думаю, предложение дельное, – вздохнула Стелла, выглядевшая несколько обескураженной. – И правда, Ли-

ви, давно пора тебе с нами за стол садиться да к гостям выходить. Глядишь, и жениха тебе подберем хорошего...

– Рано ей пока жениха искать, – перебил мать (только ему такое дозволялось) Душан. – Если хоть посмотрит кто не так, пожалеет.

– Защитничек ты мой! – расчувствовалась Стелла. – Вот, Ливия, не ценишь ты того, что у тебя есть. Такой брат! Горой за тебя встанет.

– Вот именно. – Душан снова подмигнул мне, явно намекая, что должна ценить свалившееся на меня счастье.

Но я только кивнула Стелле:

– Мне еще Дороте помогать надо. Я пойду.

– Конечно, – всплеснула она руками, – Конечно иди, золотце ты мое!

подавив желание скривиться от этой фальшивой заботы, я заспешила по коридору к себе. Свернув за угол, вспомнила, что забыла книгу для Фабиана, но возвращаться, тем более с ошейником, не хотелось – из коридора по-прежнему доносились голоса мачехи и сводного братца. Вздохнув, все-таки поднялась к себе и сунула находку под подушку. В обед буду бегать, верну обратно. и книгу Фабиану принесу. Все равно он сказал, что не выспался, так что еще часика два точно отдыхать будет.

Но что делать с приглашением Душана?

Не к добру это все. Ой не к добру!

Хьяртан-Киллиан Эртхард

– Мы не можем просто сидеть и ничего не делать...

– Вы же обещали, что лечение поможет. Тогда какого ларга он похож на овощ?!

Первый голос, охрипший от беспокойства, принадлежал Бьяртмару. Второй, в который на последней фразе ворвалось почти звериное рычание, – Дойну. Хьяртан отметил это с каким-то отстраненным безразличием, почти без удивления. Кажется, у него даже на выражение простых эмоций сил не осталось. Дойнарт редко повышал голос. Если и злился, то мастерски глушил в себе малейшие вспышки гнева, пряча их за маской ледяной невозмутимости. И тут на тебе – рычит и ярится!

– Мы делаем все возможное, светлейшие, – третий голос, пронизанный страхом, принадлежал целителю, То ли Юлиану, то ли Каэтану.

Снежный заставил себя разлепить веки и, морщась от боли, теперь пульсировавшей не только в ране – во всем теле, попытался приподняться. Спальня закружилась перед глазами.

– Очнулся! – К нему тут же бросился младший брат.

А старший, схватив целителя за грудки, процедил:

– Значит, делайте невозможное. Если его величество уже завтра не присоединится к нам за завтраком, отправишься

кормить гротхэнов. Собою.

В глазах немного прояснилось, и Хьяртан увидел, как ледярь в панике закивал, лишь бы его отпустили.

– Мы придумаем... обязательно что-нибудь придумаем...

– Дойн, хватит его пугать.

Светловолосый мужчина оттолкнул целителя и подошел к постели брата.

– Я пугаю его, потому что ты нас до ларгов напугал.

– Я в порядке, – как можно увереннее сказал Хьяртан.

– Детям своим будешь сказки рассказывать, – мрачно пошутил Бьяртмар.

В ответ Снежный слабо усмехнулся. Он провел в этой комнате два кошмарных дня и две еще более ужасные ночи, то впадая в беспамятство, то снова возвращаясь в реальность. В беспамятстве было лучше, там была она. Зеленоглазка с теплыми мягкими губами казалась тем единственным, что могло его исцелить.

– Лекари пытаются понять, что с тобой происходит, но... – Рыжеволосый Снежный запнулся и, не в силах смотреть в глаза брата, отвел взгляд.

– Просто нужно время, – продолжил за него Дойнарт, неожиданно превратившийся в оптимиста. – Наберемся терпения.

Хьяртан был не уверен, что оно у него есть, это время, но, чтобы не пугать братьев еще больше, кивнул и даже заставил себя улыбнуться. Правда, улыбка тотчас отозвалась острой,

туманящей болью.

– Что, стужа побери, с тобой произошло?! – нервно воскликнул Бьярт и глухо выругался, а Дойнарт напряженно поинтересовался:

– Так и не удалось ничего вспомнить?

Хьяртан покачал головой и прикрыл глаза, чувствуя, как на него снова накатывает мутная удушающая тьма. Постепенно голоса братьев стихли. Кажется, они еще что-то спрашивали, но он был уже не в силах отвечать. Стерлась охваченная полумраком обстановка королевской спальни, исчез весь мир. Остался только он и девушка с руин. Он снова видел ее красивое лицо, ясные глаза. Снова мечтал о том, чтобы ее поцеловать.

Она улыбалась ему, и это было невероятно. Самая красивая улыбка на самых красивых губах.

– Девушка... Мне нужна она...

Тьма, боль, пламя, бегущее под кожей.

Бесконечно, невыносимо долго.

– Мне нужна... она...

Незнакомка, до сих пор ускользавшая от него прекрасным миражом, вдруг оказалась рядом. Склонилась к нему, коснулась маленькой ладошкой раскаленного лба, а потом, призывно улыбаясь, сама потянулась к его губам. Он ответил на смелый поцелуй, жадно впился в ее губы, ища в них спасение, но тут же, ощутив, как во рту разливается неприятная горечь, оттолкнул от себя незнакомку.

– Хьяртан... – тихий, не то напуганный, не то пронизанный обидой голос. – Ты ведь сам меня позвал...

Сделав над собой усилие, правитель открыл глаза. Открыл и с разочарованием, с какой-то горькой досадой посмотрел на белокурую нэри. Хелена. Нежная, утонченная красавица, последние недели занимавшая его мысли, сейчас вызывала раздражение. Ее присутствие, попытки его коснуться...

– Уходи.

– Но мне сказали, что ты меня звал... – растерянно пробормотала девушка и осторожно, словно боясь обжечься, провела пальцами по его плечу.

Легкое, невинное прикосновение, а Хьяртану вдруг захотелось ее прогнать.

– Я звал не тебя.

В глазах фаворитки мелькнула обида, страх или ларг знает что еще, но Снежному было не до ее переживаний. Тут бы клятую боль унять и прожить еще хотя бы час.

– Уходи, Хелена, – повторил он холодно и резко.

В иные моменты Хьяртан Эртхард мог быть ледянее самого Дойна и всех северных ветров вместе взятых.

– Пойдемте, нэри. – К постели приблизился лекарь. Тот самый, которого Дойнарт грозился скормить безжалостным тварям. – Не стоит сейчас тревожить его величество.

Поднявшись, девушка бросила на Хьяртана взгляд, вкладывая в него все то, что сейчас испытывала, и скользнула к выходу. Снежный, припомнив всех ларгов разом, поднялся.

– Ваше величество! – Целитель пришел в ужас.

«Все-таки Юлиан», – зачем-то отметил про себя Хьяртан.

А вслух приказал:

– Помоги мне одеться.

– Но, ваше величество, вам сейчас опасно даже шевелиться!

– Делай как я сказал! – рыкнул на молодого мужчину Снежный и скривился, чувствуя, как по коже снова и снова пробегает невидимый огонь. – Среди моих вещей был платок... и варежки... Где они?

– Их забрали, но...

– Пусть принесут. Немедленно.

– Ваше ве... – снова попытался воззвать к его голосу разуму лекарь.

– Еще одно слово, и я разрешу Дойнарту скормить тебя гротхэнам.

Юлиан побледнел, испугавшись скорее не угрозы, а стали, прозвучавшей в голосе правителя. Бросился к сундукам за одеждой, а Хьяртан, схватившись за колонну балдахина, прикрыл глаза.

Нет, так просто он этот мир не покинет. И если целители не в состоянии его вылечить, сам найдет для себя лекарство.

Зеленоглазое и такое манящее.

Глава 4

Ливия Селланд

Как открутиться от предложения Душана, я так и не придумала. Тем более что Стелла в обед лично принесла мне платье, которое «одолжила» Арлетта. Учитывая, что она была выше меня и гораздо плотнее, мачеха поцокала языком, оценивая мой внешний вид.

Я бы и сама поцокала. Цыплячье-желтое платье с кружавчиками на пару размеров больше шло мне, как гротхэну кроткий нрав, но я предпочла промолчать. У меня было достаточно простенькое платье на выход, в котором я обычно гуляла весной, в нем и пойду. Спущусь, часок посижу, а потом обо мне уже никто и не вспомнит – веселья у Стеллы всегда проходили на широкую руку, хмельное текло рекой.

Зато я придумала как помочь Фабиану! Эта мысль потряхнула из меня всю досаду по поводу предстоящего. Ошейник! Этот ошейник можно продать, а на вырученные деньги (целое состояние!) нанять самых лучших лекарей. Уж они-то наверняка сумеют поставить его на ноги, заклинания и зелья у них самые лучшие, не говоря уже о том, что у них сильнейшая магия, не чета моей.

Не снежная, не солнечная, а *развитая*. Когда Богиня-мать создавала наш мир, яркими вспышками родились две мощные силы: солнечная, согревающая, раскрывающая все живое, да снежная – ледяная, холодная, защищающая от монстров, приходящих из-за границы снега и тумана. В момент рождения они соединились, полыхнули и рассыпались по миру, частицами силы наделив тех, кто был достоин. Современные целители и были потомками тех, кто оказался достоин, и эта частица солнечной магии позволяла им исцелять и создавать зелья мгновенного заживления ран, прекращения всяческих воспалений и с прочими чудодейственными свойствами.

Ох, как же я обрадовалась своей находке! Ведь это действительно счастливый билет Фабиана в новую жизнь. Завтра же с утра сбегая в город, узнаю в ломбарде, сколько за него дадут. Если я не ошиблась с камнями, даже самый скупой ростовщик даст столько, что хватит на полное лечение, а может быть, и на восстановление на южных водах. Но главное, что после Фабиан снова сможет ходить! Вот это самое «после» и подхлестывало, побуждая вертеться по дому юлой, помогать Дороте с такой скоростью, что кухарка не переставала удивляться.

– Ты всегда мне помогаешь, деточка, – призналась она, когда мы вместе уплетали обед (Фабиан все еще спал), – но сегодня это просто что-то невероятное. Порхаешь, как фея лесная, мы с тобой почти все закончили, а думала, до вечера

провозимся. Случилось, что ли, что хорошее?

Мне хотелось рассказать ей об ошейнике, но решила пока помолчать, чтобы не сглазить. Вот когда все получится, тогда и расскажу. Да и Фабиану пока ни к чему о нем знать. Понятия не имею, что он делал в тайнике в библиотеке, но это как неожиданно полученное наследство. Как подарок, как праздничное чудо! Да это и есть чудо, не зря же нашла украшение именно сейчас.

Главное, не спугнуть удачу преждевременной радостью.

– Душан пригласил меня на праздник.

– Что-что? – брови Дороты поползли на лоб.

– Да, я сама удивилась, – пожала плечами. – Но он защитил меня от Арлетты, когда та пыталась оклеветать, и Стеллу утихомирил.

– Не думай, что я злыдня какая-то, но... не нравится мне это, – кухарка нахмурилась.

– Мне самой не нравится, – призналась я. – Но что он может сделать со мной на празднике? Спущусь, когда соберутся все гости. Начнется гульба, а там уж я ускользну тихонечко, никто обо мне и не вспомнит, – озвучила собственные мысли.

Лоб Дороты разгладился.

– Да, и то верно. Но ежели помощь потребуется, я всегда рядом. – Она показала на половник, и мы рассмеялись.

После обеда время завертелось еще быстрее. С готовкой мы действительно закончили быстро, осталось сделать горя-

чье, но поставим его в печь, когда гости уже сядут за стол. только помимо этого надо было накрыть на стол, распределить цветы по вазам, красиво разложить приборы и расставить бокалы...

Собиралась еще на руины отправиться, поискать варежки, но так и привозилась до самого вечера. Опомнилась уже перед зеркалом. – В своем весеннем светло-голубом платье, подчеркивающим медь в моих волосах и делающем их еще ярче. Заморачиваться с прической не было ни сил, ни времени, поэтому я заплела свободную косу, оставив две выходящие прядки для обрамления лица.

– Книжку я Фабиану принесла, – вприхнула в комнату Дорота, которая сегодня тоже мне помогала. – И тебе кое-что... вот. Матери моей было, но я так и не надевала ее почти, только когда девчонкой была.

Маленькая брошка-бабочка раскрыла свои янтарные крылышки у нее на ладони.

– Мне кажется, к глазам и к волосам твоим пойдет. Да и к платью...

– Какая красота! – ахнула я.

– Бери, бери, – заулыбалась женщина. – Это тебе подарок. Ты же давно мне как дочка... – Она осеклась, махнула рукой и, пока я крепила брошку к платью, поспешно заговорила: – Суета там сейчас такая, не представляешь. Гости почти все собрались, Арлетта со Стеллой платьями да прическами своими перед ними щеголяют.

– Ну, ничего нового.

– И Душан как настоящий павлин. Но он правда сегодня странный. Сначала тебя пригласил, потом на кухню явился, чтобы мне помочь блюда тяжелые оттащить на стол. Я аж опешила.

– Правда? – тут уже я сама опешила.

– Истинная! Ну, оно и к лучшему, а тебе пора спускаться. Застолье вот-вот начнется.

– Спасибо тебе! – Я порывисто, от души обняла кухарку. – О такой маме можно только мечтать.

Своих детей у Дороты не было, Богиня-мать не дала. Из-за этого они рассорились с мужем, и он ушел к другой, а она... она всю любовь переносила на нас с Фабианом. Если бы не Дорота, я бы, наверное, совсем ожесточилась, а так она согревала меня своей любовью. Согревала нас.

Дорота украдкой смахнула слезинку, а я поспешила вниз: не столько потому, что Стелла не любила опозданий, сколько из-за того, что не хотела привлекать к себе лишнее внимание. Надеюсь, что меня вообще никто не заметит, особенно в таком простеньком наряде, но... не вышло. Стоило войти в гостиную, как все взгляды обратились на меня.

Особенно взгляд Душана. Он ко мне просто-таки прилип. Не успела сделать и шага, как именинник подлетел ко мне, взял за руку.

– Позвольте представить вам мою очаровательную Лив. Лив, ты прекрасна!

Моя челюсть только чудом не пробила пол, но Душан не позволил и слова вставить, подхватил меня за талию, увлекая к столу, отодвинул стул рядом со своим местом. – Прощу, моя дорогая.

«Моя дорогая» повторно лишилась дара речи, благо и без меня было кому говорить. От собравшихся отделился долговязый парень, одетый в дорогой костюм, и вразвалочку направился к нам. Его я узнала сразу: лучший друг Душана. Разумеется, с друзьями братца меня никто не знакомил, но я мельком видела парней, которые приходили к нему, и это лицо мелькало чаще всего.

– Почему от нас скрывали такую прелесть?

– Я вам не прелесть, – наконец обрела я дар речи. Парень нахмурился, а Душану мой ответ пришелся по душе, потому что он заулыбался, надавив руками на спинку стула.

– Моя сводная сестра не любит компании, но сегодня согласилась к нам выйти. Только ради меня. И не надо смущать ее комплиментами, – отразил все последующие атаки собравшихся. – Мы же не хотим, чтобы такое чудо сбежало от нас раньше времени?

Мысленно покачав головой, я опустилась на стул: в сложившейся ситуации это показалось наиболее верным решением. Тем более что мачеха с Арлеттой уже недовольно косились на меня – их высоченные, как на балах у Снежных, прически да платья, расцветка которых напоминала оперение

экзотических птиц, не привлекли столько внимания, сколько моя скромная персона, которая предпочла бы не привлекать его вовсе. К счастью, слова Душана: «Прошу за стол!» возымели эффект, и все начали рассаживаться.

Недовольно фырча, напротив меня села Арлетта, а рядом с именинником во главе стола – его мать. Справа от сестрицы устроился парень, который назвал меня прелестью. Остальные гости расположились, как кому хватило места, и пиршество началось.

– Позволь за тобой поухаживать. – Душан потянулся было за кувшином с вином, но я покачала головой.

– Нет, спасибо.

– В честь моего дня! – воскликнул братец, но я осталась непреклонна. – Ладно, тогда налью тебе воды, – недовольно пробурчал он. – Но поднимать бокал с водой...

– Можешь ничего не наливать, – тихо ответила.

Если можно оказаться не в своей тарелке, то так я себя и чувствовала под пристальными взглядами гостей, как бы вопрошающими – откуда она вообще вылезла, эта Лив.

Все собравшиеся хорошо меня знали, как и то, что я никогда не присутствую на семейных праздниках. Еще они знали, что в честь моего Дня появления, как и моего брата, после смерти отца ни разу никто не собирался, так что атмосфера за столом была несколько напряженной. Все глазели на меня, набирая себе еды, негромко переговариваясь. Что касается Душана, он уже успел наполнить мой бокал водой,

а в тарелку наложил салатов в таком количестве, что получилось несколько высоких горок.

Можно подумать, я все это съем!

– Тост! – Мачеха постучала вилкой по бокалу. – Предлагаю тост. Мой мальчик, ты всегда радовал меня с того дня, как появился на свет. В честь этого мы все и собрались сегодня! Пусть все у тебя будет просто чудесно! За тебя, дорогой!

– За Душана! – подхватил его друг.

– За Душана! – понеслось эхом вокруг стола.

Мы с Арлеттой мрачно переглянулись. Похоже, сестрица была не в настроении из-за случившегося, но особенно из-за того, что теперь на меня посмотрел еще и мужчина с усиками и в пенсне, устроившийся рядом.

– Что же, дорогая Лив, ваша природная скромность мешала вам радовать нас своей красотой?

Подавив желание опрокинуть в себя всю воду, которую мне налил Душан, я сделала несколько глотков и ответила:

– Я не люблю многолюдье.

– Ох, как это похоже на скромных девиц! – Мужчина лихо подкрутил ус, а Душан наградил его мрачным взглядом.

– Не наседайте на Лив, нэр Пайк. – Он указал мне на тарелку с салатами: – Кушай.

Еще бы в меня хоть кусок полез! Но пришлось жевать, чтобы ко мне не приставали с расспросами и странными замечаниями. К счастью, разговор понемногу перешел на Душана. Мачеха, весьма недовольная вниманием к падчерице,

делала все, чтобы обо мне забыли, и я в кои-то веки была ей по-настоящему благодарна.

Спустя некоторое время обо мне уже и не вспоминали: началось обсуждение политики.

– Сатрапы эти Снежные! – буйствовал нэр Пайк. – Только и знают, что налоги драть...

– Вы несправедливы, господин адвокат, – вмешалась вдова доктора, круглолицая и пышнотелая, – все-таки они защищают нас от гротхэнов...

– Да куда там, защищают! Когда ты в последний раз гротхэна видела, Арна?

И далее все в том же ключе. От разговоров за столом я довольно быстро отключилась, радуясь, что меня представили скромницей. Можно было спокойно ковыряться в тарелке, не предпринимая попыток поучаствовать во всеобщем веселье, которое потихоньку переходило в политические дебаты. И еще меня очень смущало внимание Душана. Он постоянно на меня смотрел, вглядывался в лицо. Когда это произошло в десятый раз, я не выдержала и спросила:

– Что происходит? – шепотом, чтобы не привлекать внимания.

– А что происходит? – подавшись ко мне, так же прошептал он.

– Не представляю. Ты ухаживаешь за мной весь вечер. Вступился за меня перед матерью и Арлеттой, хотя никогда раньше этого не делал.

– Ты несправедлива, милая Лив. – Братец подпер ладонью щеку, продолжая буравить мое лицо своими блеклыми глазками. – Разве я мало для тебя делал? Ведро носить помогал...

– Потому что Стелла тебя заставила!

И то лишь потому, что новый доктор случайно в гости заглянул, поздороваться.

Душан не ответил, но продолжал ухмыляться. Его лицо вдруг растянулось талой кляксой, как снег на весеннем солнце, потом снова обрело четкость. Ненадолго, потому что неожиданно закружилась голова.

– Тебе нехорошо, Лив? – вкрадчиво поинтересовался братец.

Я покачала головой, пытаюсь сбросить дурманное наваждение, но оно не сбрасывалось. Наоборот, голова кружилась все сильнее. И это так напугало, что я вскочила из-за стола, и мир пошатнулся еще сильнее, завращался, грозя обрушиться на меня лицами гостей. Я едва успела вцепиться в край стола слабеющими пальцами, когда услышала окрик Стеллы:

– Ливия, ну что такое?

И следом голос Душана:

– Мама, ты что, не видишь? Лив стало дурно. Я провожу ее на свежий воздух.

Не надо меня никуда провожать! Хотела сказать это вслух, но язык неожиданно превратился в желе, и как-то разом ста-

ло отчаянно страшно. Хотелось закричать «Помогите!», но я бы рухнула на пол, если бы Душан не подхватил меня и не повел прочь с праздника. В другой ситуации я была бы счастлива сбежать, но сейчас готова была на все, чтобы остаться, только чтобы не уходить с ним в таком состоянии.

Куда он меня ведет?

Вскоре и это стало неважным, я напоминала себе мешок с трухой, который просто переставляет ноги, потому что привык. Мысли плавали в тумане, и где-то в том же тумане плавала реальность. Обрывками знакомых картин мелькали перед глазами лестница, коридоры и, наконец, дверь моей спальни.

«Не хочу!» – вспышкой мелькнула в сознании яркая мысль. Мелькнула и погасла, растворившись в зыбком полубытьи.

Душан пинком ноги открыл дверь, втащил меня в комнату и швырнул на кровать.

– Фух, переборщил немного, кажется, – пробормотал он и куда-то исчез.

Сквозь туманный флер я слышала, как щелкнул замок. Миг – и надо мной снова склонился братец. Побрызгал в лицо водичкой из графина, который всегда стоял у меня на тумбочке.

– Ничего, сейчас пройдет. Просто немного не рассчитал с зельем... Ну и потом, откуда я знал, сколько в салат лить? Она-то мне о вине говорила.

Лить в салат? В вино? О чем он вообще?

А Душан как ни в чем не бывало уселся на мою постель и принялся стягивать обувь.

– Знаешь, Лив... вела бы ты себя по-человечески, по-доброму, и не пришлось бы с тобой так поступать. Ну что тебе стоило уступить, а?

– Даже сквозь затуманенное непонятно чем сознание до меня стало доходить. Во-первых, не «непонятно чем», а какой-то дрянью, которую Душан умудрился налить в салат. А во-вторых, я сейчас лежу перед ним совершенно беспомощная, даже магии своей не чувствую! Совсем!

– Но что прошло, того уж не вернешь, – философски заметил этот маньяк. – Так что подарок свой на именины я все равно получу. Хоть так... сейчас, только немного в себя придешь. С бревном неохота как-то...

В подтверждение своих слов он стянул камзол и стал расстегивать рубашку, а у меня потемнело в глазах. Правда, на сей раз от ярости, пусть она была слабенькой, как тлеющее во мне, сопротивляющееся влитой в меня мерзости сознание. Именно оно и подсказало, что сейчас, пока я в таком состоянии, ничего не сделаю. Значит, надо тянуть время – до того, как «немного приду в себя». Может, и магия вернется хотя бы частично.

– Как... ты это провернул? – спросила слабым голосом. – Салаты же для всех резались.

А я не видела больше никого, кто из-за стола падал.

– То-то и оно, – насмешливо произнес Душан. – Я в салат только с одной помеченной стороны вливал, чтобы сразу тебе в тарелку положить, как знал, что от вина откажешься.

– Но вино ты и сам пил. – По крайней мере я могу складывать слова в предложения – уже хорошо. – Из того же самого кувшина.

Он же его все и выхлебал! Я видела, больше никто к этому кувшину не прикасался.

– Я все продумал. – Раздуваясь от гордости, очевидно, за свои выдающиеся мыслительные способности, Душан поднял вверх палец. – Сразу же купил себе противоядие и выпил еще до ужина. Но знаешь, что самое главное, моя прекрасная Лив? Это то, что завтра ты ровным счетом ничего, ничегошеньки не вспомнишь, ни нашего разговора, ни того, что будет потом. А это значит, что спустя какое-то время мы с тобой сможем все повторить... Если мне очень понравится, то повторять будем регулярно!

Что-о-о?!

Протест внутри меня отозвался так сильно, что в груди что-то слабенько полыхнуло. Я ухватила за эту искру, пытаясь ее разжечь. Давай, давай же, не подведи! Но искра вспыхнула и тут же предательски погасла, а Душан уже стянул рубашку и принялся за брюки, довольно резко их сдернув, из-за чего его рыхлый живот заколыхался, как не успевший застыть холодец.

Может, меня бы и стошнило, если бы этот ларг не нава-

лился на меня всем телом, выбив из груди воздух.

— Кажется, уже очухалась, — пробормотал он, пытаясь поймать мои губы и от души облизнуть. — Ну не ломайся, все равно никуда от меня теперь не денешься...

Я резко повернула голову, и Душан ткнулся губами в подушку.

— Стерва! — выругался он, руки поползли по моим бедрам, задирая платье.

Я задержалась, но сил почти не было, меня самую словно в желе превратили, руки-ноги не слушались. Не говоря о том, чтобы почувствовать в себе хотя бы кроху магии.

Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!..

Одной рукой он продолжал шарить по телу, другой отбросил мою, которой я все же попыталась упереться ему в грудь в попытке оттолкнуть. Запястье что-то ужалило... не что-то, а острый краешек камня в ошейнике.

Так, Лив, надо собраться.

Глубоко вздохнув, зажмурилась, подставляя губы под поцелуй Душана, и, когда его рот все-таки впечатался в мой, сжала ладонь на ошейнике. Не знаю, что это, не знаю, кому украшение принадлежало, — я лучше умру, чем такое надею, несмотря на всю его красоту, — но сейчас оно меня спасет. Должно спасти!

Собрав последние силы, выдернула ошейник из-под подушки и с силой ударила им Душана в лицо. Он взвыл, отшатнулся, схватился за щеку, а я спрыгнула, точнее будет

сказать, свалилась с кровати кулем, отползла к стене и выставила ошейник перед собой как щит.

– Не подходи! – прошипела. – Не подходи, или...

– Или что?! – взревел Душан. Щека у него была рассечена, а глаза горели, как у озверевшего гротхэна. – Это что? У маменьки стащила? Так и знал, что ты подворываешь, но этим мы займемся завтра! Скажу, что нашел у тебя, когда провожал, ох и выдерет она тебя. Давно пора! А сегодня... не умеешь по-хорошему, Лив, значит, будет по-плохому!

Готовясь к самому худшему, я замахнулась. Нет во мне сил, но просто так все равно не сдамся...

Раздался грохот. Дверь сорвалась с петель, вылетела и попала прямо в Душана. Братец рухнул как подкошенный, сверху упала дверь, а в комнате ощутимо похолодало. Я бы даже сказала, что в нее ворвались все морозы, стужа и выюги нашего края, вместе взятые. Хотя в какой-то степени так и было: широко распахнутыми глазами я смотрела на вошедшего в комнату Снежного.

Которого нашла на развалинах.

Того, кто меня целовал.

Хьяртан-Киллиан Эртхард

– Ты в своем уме?!

Не успел Снежный выйти из покоев, как на него набросился Бьяртмар.

– Мне нужно в Борг, – коротко ответил Хьяртан, сосредоточенный на том, чтобы поступь была как можно более уверенной и твердой.

На это уходили все силы. На то, чтобы что-то объяснять брату, спорить с ним, выслушивать возмущения, их уже не осталось.

– Какой, к ларгам, Борг?! Хьярт! – Снежный схватил правителя за плечо, разворачивая к себе, но, поймав его взгляд, разжал пальцы.

– Лучше помоги, – тихо проговорил тот. А последние его слова прозвучали как приказ: – Создашь портал.

Бьяртмар с детства привык слушаться Хьяртана, зная, что однажды тот будет править. Из просто старшего брата превратится в повелителя Севера, приказы которого не оспариваются и не подвергаются сомнению.

– Это еще Дойн не знает... – пробормотал он, вынужденно устремляясь за его величеством.

– И не узнает, если перестанешь орать на весь замок.

Было раннее утро, только слуги теньями скользили по узким коридорам и просторным залам. При виде его величества они останавливались, почтительно кланяясь, а потом так же бесшумно исчезали, растворяясь в блеклых рассветных сумерках.

– Ты что, всю ночь торчал под дверями моей спальни? – спросил Хьяртан и вдруг покачнулся, ощутив, как пол под ногами становится словно ватным.

Благо под рукой так вовремя оказались перила, он успел за них ухватиться. Мысленно выругавшись, стал спускаться, уговаривая себя держаться.

Главное, отыскать девчонку. Разум кричал, что ему нужна не незнакомка, а покой и лекари, но чутье упрямо настаивало, что только солнечная девушка ему поможет.

– По-твоему, мне следовало спокойно дрыхнуть?

– Брал бы пример с Дойна...

– Не расскажешь, что тебе понадобилось в том городишке? Никак решил продолжить охоту на гротхэна? – не переставал ворчать Бьярт, с тревогой вглядываясь в бледное лицо брата, скользя взглядом по резким заострившимся чертам.

– Мне нужна девушка.

– Девушка? – удивился Снежный. – По-моему, не самое подходящее время для поисков новой фаворитки. Да и ты не в том состоянии, чтобы покорять любовные вершины.

– Ее магия... Мне кажется, это она помогла мне выжить.

Пришлось признаться младшему брату, что два дня назад на руинах храма он очнулся лишь благодаря поцелую незнакомки.

– С этого и следовало начинать, – нахмурился Бьярт. – Мы давно ее нашли бы и привели к тебе.

– Я сам, – упрямо ответил Хьяртан. – Я ее чувствую и смогу отыскать. Должен...

Уходили в Борг небольшим отрядом – Он, Бьяртмар и трое воинов, шагнувших в завертевшийся снежной вьюгой

портал. В кармане под сердцем лежали платок и варежки, а на руинах, с которых решили начать поиски, Снежный ощутил присутствие ее силы. Даже спустя дни та незримым флером витала над развалинами храма Забвенных – древних чародеев, настолько могущественных, что возомнили себя богами. Возводили в свою честь святилища, вынуждали себе поклоняться, а тех, кто был против или им неуютен, безжалостно уничтожали. В них было столько силы, что ее хватало, чтобы повелевать гротхэнами. Призывать их и использовать как своих ручных чудовищ.

Давние кошмары прошлого, о которых в Драэре не любили вспоминать.

– Что-нибудь чувствуешь? – наблюдая за тем, как Хьяртан обходит руины, спросил Бьярт.

– Ее магию. Чувствую *ее... девушку*.

Закончив осматривать развалины, они направились в город, и вскоре Хьяртану пришлось с досадой признать, что он переоценил свои возможности. Даже верхом передвигаться по Боргу стоило немалых усилий, а слабость, туман, волнами накатывающий на сознание, мешали сосредоточиться и разыскать девчонку. Что он помнил? Яркие зеленые глаза и сладкие чувственные губы? Вряд ли столь поверхностное описание поможет в розыске.

Он чувствовал ее, но из-за клятой слабости не мог понять, где она находится.

Все утро прошло в тщетных поисках. Брату пришлось на-

бросить на отряд иллюзию – Хьяртан боялся, что появление Снежных в городе не останется незамеченным и спугнет де-вушку. Один раз она от него уже убежала. Второй раз не сможет.

– Давай верну тебя в замок, а сам продолжу искать. Подключу Дойна, солдат, и вместе мы обязательно ее разыщем, – снова стал уговаривать его Бьярт, когда они остановились в небольшой таверне, чтобы пообедать.

– И как же вы ее найдете? – Хьяртан поморщился от боли, снова ужалившей бок, и отодвинул от себя тарелку – есть не хотелось.

– Что-нибудь придумаем...

– Я сам, – упрямо повторил он и поднялся.

Несколько минут отдыха подействовали благотворно, и Хьяртан устремился к выходу, упрямо решив, что, если потребуется, осмотрит каждый дом, каждый подвал, чердак и подворотню, но незнакомку свою отыщет.

– Ты хуже отца! – Бьяртмар закатил глаза и, бросив на стол несколько монет, последовал за братом.

И снова поиски, долгие, выматывающие... напрасные. Хьяртан хотел уже сдаться, прислушаться к совету брата и вернуться в замок, когда ощутил... нет, не магию незнакомки, а точно такую же, как в крови на платке, ядовитую чернь, заставившую его поморщиться.

Они подъезжали к белокаменному дому, некогда богатому и добротному, а ныне пришедшему в запустение. Окна

первого этажа были наполнены светом, в то время как второй окутывала тьма.

– Сюда! – Его величество спешил первым, толкнул калитку и, миновав укутанный в снег сад, поднялся по ступеням крыльца.

Он не стал ждать, когда ему откроют, равно как и не собирался уточнять, согласятся ли его принять. Стоило толкнуть плечом дверь, испуганно взвизгнувшую на старых петлях, как запах гнили, веявший от дома, перебило ощущение силы.

Ее силы.

Он и сам вдруг ощутил, как к нему возвращается жизнь. Устремился к лестнице, не обращая внимания на выскочившую в холл разряженную и надушенную норру.

– Вы кто такой?! Что себе позволяете?! – возмутилась женщина, не признав в нем Снежного. – Да что же это?! – нервно вскричала она и бросилась к другим незнакомцам, показавшимся следом за первым незванным гостем.

Преградила им путь, продолжая требовать объяснений, а Хьяртан беспрепятственно поднялся по лестнице. Быстро, едва не срываясь на бег, дошел до конца коридора и толкнул очередную дверь – досадную преграду, отделявшую от его зеленоглазого спасения. Теперь он уже точно знал, что нашел свою солнечную девочку.

То ли створка оказалась слишком хлипкой, то ли к нему вдруг чудесным образом вернулись силы, но дверь сорвалась

с петель и улетела в комнату.

– Что такое?! – взвизгнул, как минутой назад надушенная норра, до боли похожий на нее мальчишка, выбираясь из-под двери.

То, что на нем почти не было одежды, наводило на не очень приятные мысли, скорее на темные и очень злые.

Снежный вошел в комнату и, бросив взгляд на вжавшуюся в стену девушку, ринулся к недобитому дверью юнцу. Даже не догадываясь, кто на него надвигается, тот трусливо притих и расширившимися от страха глазами смотрел на Хьяртана.

Глава 5

Ливия Селланд

Всего несколько шагов понадобилось Снежному, чтобы преодолеть короткое расстояние от дверного проема до моего сводного брата. Странно, но то ли Душан не понял, кто перед ним, то ли объятия с дверью оказались слишком крепкими, он возмущенно пискнул:

– Я вас спрашиваю! Какое вы имеете право врывать к ней... к нам в комнату?

К нам?! С трудом сдержалась, чтобы не запустить в него ошейником, остановило лишь то, что перед Душаном маячил Снежный. Скорее я попала бы в него, а не в подлого братца.

– Я тоже спрошу, – от тихого голоса незнакомца мороз побежал по коже, – и в твоих же интересах, мальчишка, сказать мне правду. Что здесь происходит?

Душан вздрогнул, нервно сглотнул, а потом, с кряхтением поднявшись, подозрительно храбро задрал голову. Точно последние мозги отшибло. Как еще на носочки не встал, удивительно! Он из кожи вон лез, стараясь казаться выше, но рядом со Снежным не вышло.

– Какое вам дело, уважаемый, до того, что здесь происходит? Я был со своей невестой, а вы бесцеремонно к нам вломились! Если не уберетесь сейчас же, я прикажу позвать городскую стражу и... Кх... кхр!..

У меня чуть челюсть на колени не рухнула, когда увидела, как незнакомец, схватив моего сводного брата за горло, легко вздернул его над полом. Так, словно поднял бокал вина, собираясь произнести тост, но вместо этого заметил:

– На ней разорвано платье, и застал я ее не в твоих объятиях, а умирающей от страха. Так с нэри не уединяются.

Не будь он Снежным, я бы испытала чувство благодарности. А так... Сложно сказать, что сейчас испытывала. На меня волна за волной накатывала слабость. В голове продолжало мутиться, а незнакомец и трепыхающийся в его руке Душан всюду расплывались.

– Кх... кха...

Не знаю, как сумела подняться. На нетвердых, совершенно ватных ногах приблизилась к Снежному и тихо (на громко сил не осталось) попросила:

– Не надо. Не... убивайте.

Каким бы гадом Душан ни был, я не желала ему смерти.

Продолжая удивляться самой себе, коснулась плеча Снежного. Тот, казалось, не слышал моих слов, продолжал прожигать ледяным взглядом свой трепыхающийся улов, сжимая на его горле пальцы, но, стоило мне его коснуться, вздрогнул. Душан тотчас рухнул на пол, а незнакомец повер-

нул к мне. Тусклым, каким-то уставшим взглядом скользнул по лицу, задержавшись на губах, а в следующую секунду притянул меня к себе и поцеловал.

И чем он, скажите пожалуйста, лучше Душана?!

Умом понимала, что надо бы сопротивляться, пытаться вырваться или отбиться ошейником, который продолжала сжимать в руке, но то ли из-за ларгового зелья силы окончательно покинули мое тело, то ли ошеломил напор Снежного... Так горячо и жадно меня еще не целовали. До головокружения, до слабости в коленях, до ощущения, что все происходит не на самом деле. Видение, сон, мираж...

Сон, из которого почему-то не хотелось вырваться.

Даже когда он скользнул ладонью по спине, прижимая к себе еще крепче, я, вместо того чтобы треснуть его ошейником, продолжала растворяться в поцелуе. Это все проклятое зелье или...

– Что за безобразие! Немедленно ее отпустите!

Очередной крик принадлежал не Душану, а его матери. Рука Снежного соскользнула с талии, губы перестали обжигать, и я почувствовала, что падаю.

Не упала лишь потому, что любитель целоваться меня удержал. Осторожно, но вместе с тем крепко приобнял, и я подняла взгляд на пунцовую Стеллу. За спиной мачехи маячили незнакомые мужчины, точно не из гостей. Чуть в стороне замерла хлопающая глазами Арлетта, а Фабиан...

Фабиан был у себя в комнате и наверняка слышал, что

здесь что-то происходит. Наверняка напуган. Наверняка...

– Мой брат...

Слабый шепот потонул в возмущенном восклицании мачехи:

– Вы врываетесь в мой дом, хватаете мою падчерицу, а потом... Душан?! – Стелла вскрикнула, заметив за спиной у Снежного недоприбитого дверью и слегка придушенного сына.

А я едва не хихикнула, хотя было не до веселья. Ситуация возмутительная, но чтобы мачеха так вела себя в присутствии Снежного... Такого мне видеть не доводилось.

– Нашел? – голос принадлежал рыжеволосому мужчине, чье лицо бессовестно расплывалось перед глазами.

Кажется, он обращался к удерживавшему меня Снежному и имел в виду меня, в упор не замечая хозяйку дома.

– Пойдем. – Незнакомец не стал тратить время на ответ, Еще крепче ухватил меня за талию, увлекая за собой, но я не сдвинулась с места.

Вернее, пыталась не сдвинуться, но под напором Снежного сделала несколько шагов.

– Мой брат... Я никуда не...

– Мама! Да сделай же что-нибудь! Они похищают нашу Лив! – Мои слабые возражения перебил визжащий фальцет сводного брата. – Среди бела дня! Сегодня! Когда я...

Душан осекся, а я попыталась оттолкнуть от себя Снежного.

– Что с ней, – все тот же рыжий, – Она пьяна?

Опоена я. О-по-е-на.

Мое сопротивление было замечено, но совершенно бесцеремонно проигнорировано. Вместо того чтобы оставить в покое, Снежный подхватил меня на руки и молча ринулся в коридор.

– Не смейте! – Стелла преградила ему дорогу, и сейчас я была полностью с ней согласна.

Нужно было как-то отбиться от похитителя, держаться за мысль о брате – она единственная помогала не сорваться в вязкую тьму, но с каждой секундой бороться с ней становилось все сложнее.

Пару секунд мачеха бесстрашно смотрела Снежному в глаза, а потом... что-то произошло. Я поняла это по тому, как Арлетта испуганно отшатнулась от рыжего, а спустя мгновение уже сидела в глубоком реверансе. И Стелла, вскрикнув, упала на колени, а Душан позади и вовсе перестал дышать.

– Ваше величество! Простите меня, глупую... слепую... Не признала. Не поняла... Простите нас!

Величество?!

Может... может, мне все это снится?

– Я забираю девушку, – единственное, что его Снежное величество изволил сказать упавшей ему в ноги женщине.

– Конечно, конечно, – трусливо забормотала Стелла. – Как вам будет угодно...

После ее «угодно» голова закружилась еще сильнее, если такое вообще возможно.

– Не надо меня забирать... Не на... Фабиан... мой брат...

Хотелось кричать, брыкаться и вырываться, но вместо вопля с губ срывался бессвязный шепот. Я чувствовала себя слабой и беспомощной, и это злило еще больше.

Пока Снежный спускался в холл со мной на руках, я ощущала на себе десятки глаз. Гости вывалились из столовой и теперь смотрели на нас с незнакомцем... Который правитель. Который нагло меня похищает.

Перед которым все раболепно кланялись.

– Вы за это ответите... Я вас...

– Вы сейчас не в себе, чтобы понимать, к кому обращаетесь. – Меня поставили на заметенную снегом мощеную дорожку, что убегала от крыльца к воротам.

Голубые глаза Снежного стали немного теплее от появившихся в них смешинок, но мне было не до его глаз.

– Да будь вы хоть трижды Забвенным! – Мне хотелось ругаться, ударить его, но вместо этого я покачнулась и припала к мужской груди. Кошмар! – Нет, вы хуже... Вы ларг и гротхэн, вместе взятые, вы...

Собиралась сравнить его еще с какой-нибудь нечистью, может, даже бросить словечко покрепче, но тьма оказалась сильнее.

Пронзаемая искрами снежного вихря, она накатила на меня и поглотила.

Открыв глаза, я поняла, что нахожусь где угодно, только не дома. Постель, на которой лежала, была мягче ваты. Шелковистые простыни нежно касались обнаженной кожи, одеяло было явно пуховым...

Обнаженной?!

Я тут же села и стала лихорадочно осматриваться, а заодно и себя осматривать. Богиня-мать, где я?! Почему на мне лишь тонкая ночная сорочка с разрезами и вырезами, где только можно? Почему ничего не помню?! Хорошо, хоть одна. И вроде цела и невредима. Ничего не болит, разве что голова немного кружится.

Сидя в кровати, я продолжала бросать по сторонам взгляды, пытаюсь понять, вспомнить, как здесь оказалась. Не только постель, но и вся комната была роскошной. Затянутые узорчатыми коврами стены, тяжелые бархатные шторы на окнах. Не просто добротная, но очень дорогая мебель. Одни только кресла, приставленные к камину, стоили немалых денег – резные, с узорчатой обивкой... В камине тихо потрескивали поленья, но помимо этого комнату от души прогрели чарами.

Откинув одеяло, я нерешительно поднялась – босые ступни тут же утонули в густом ворсе ковра.

Расписные сундуки по углам, шкатулки из слоновой кости... Спальня принадлежала женщине, но я здесь точно была лишней.

Меня здесь просто не должно было быть.

Я должна быть в Бorge. С Фабианом.

Мысль о брате заставила броситься к дверям, но не успела я к ним подлететь, как створки распахнулись, пропуская незнакому девушку в простом темно-синем платье.

– Нэри уже проснулись, – улыбнулась незнакомка. – А я как раз платье для вас закончила утюжить.

Она опустила взгляд на наряд из зеленого бархата, который держала в руках.

– Это не мое платье. – Я точно помнила, как надевала свое светло-голубое, готовясь спуститься к гостям Душана.

Помнила, как садилась за стол, как попробовала приготовленный мной и Доротой салат, а дальше...

А дальше проснулась в чужой кровати.

– Где моя одежда? Что это вообще за место?!

Незнакомка покосилась на меня с опаской, словно перед ней была ненормальная, и просеменила к кровати, чтобы аккуратно разложить платье.

– Я всего лишь исполняю приказ. Мне было велено позаботиться о вас, привести в порядок... – Служанка осеклась, запоздало осознав, что последние слова добавлять не стоило.

Я мысленно возмутилась. Привести в порядок? Все со мной в порядке!

И станет еще лучше, когда отсюда выберусь.

– Где моя одежда?

– Вот это платье...

– Моя одежда! – добавила я резко.

– Я ее... выбросила, – втянув голову в плечи, пролепетала девушка.

Могла бы и сразу сжечь, чего уж.

– Помочь вам одеться, нэри? Тихое, робкое, едва различимое.

Можно было, конечно, гордо задрать подбородок и выставить девицу, выбросившую мое самое лучшее платье, но сбегать отсюда, где бы я ни была, в одной сорочке весьма неразумно. Попросить ее уйти, сказав, что сама в состоянии одеться? Я-то в состоянии, но ответы на миллион вопросов, крутившихся в голове, получать от кого-то надо.

– Буду благодарна, – ответила сдержанно и тут же повторила: – Что это за место?

Она снова посмотрела на меня, как на дурочку, после чего тихо пояснила:

– Вы в Эрнхейме, нэри. Во владениях его величества Хьяртана-Киллиана Эртхарда.

В Эрнхейме... Королевской резиденции, много веков назад возведенной Снежными. Эрнхейм был их цитаделью, их крепостью, и, если бы мне кто сказал, что однажды я проснусь в замке правителя Севера, рассмеялась бы в ответ, а может, покрутила у виска пальцем.

Ситуация была невероятной.

– Зачем я здесь?

– То мне неизвестно, нэри.

– Давно меня привезли?

– Вас доставили сюда порталом. Вчера вечером. – Служанка понизила голос до заговорщического шепота: – Говорят, его величество искал вас лично и сам принес в замок.

Принес? И чем, спрашивается, я заслужила такую честь? Зажмурилась, пытаюсь вспомнить портал, Снежного... хоть что-то! Но чем больше думала о вчерашнем празднике и странных провалах в памяти, тем сильнее начинало ломить виски, а роскошную обстановку спальни словно туманом затягивало.

Ларги! Что это снежное чудовище со мной сделало?!

Будь похитивший меня колдун хоть трижды королем, я не собиралась сходить с ума от благоговения и почтения. Чудовище как есть. Все они чудовища! Сначала забрали у нас с Фабианом маму, а потом и меня отняли у брата.

От этой мысли по коже побежала липкая дрожь.

– Давай скорее, – поторопила девушку и стала быстро одеваться.

– Я помогу с прической, – сказала она, закончив затягивать шнуровку корсажа.

– Не надо.

– Но у вас такие красивые волосы! – попыталась возразить служанка. – Грех не уложить их по последней придворной моде. Для его величества.

Грехом будет прихорашиваться для похитителя.

– Я просто расчешусь, – с этими словами я приблизилась

к туалетному столику и схватила инкрустированную эмалью щетку. Провела ею несколько раз по спутавшимся прядям, невольно отмечая, как мне идет зеленое платье. Бархат мягко мерцал в отблесках пламени, оно же подсвечивало струящиеся по плечам волосы, добавляя в них меди и золота.

Тряхнув головой, велела себе не думать о глупостях и повернулась к недовольной моей непокорностью служанке.

– Мне потребуется верхняя одежда.

В одном платье (пусть и теплом, с длинными рукавами и воротником-стойкой) я уже через пару минут превращусь в сосульку.

– Но зачем вам... – растерялась девица.

– Я пленница? – спросила, скрестив на груди руки. – Его величество запретил мне покидать эту комнату?

– Нет, но...

– Тогда буду благодарна за плащ и варежки.

Заберу себе в качестве возмещения за наглое похищение.

– Слушаюсь, нэри. – Служанка сдалась и, тяжело вздохнув, направилась к сундукам.

Вернув щетку на место, я невольно зацепилась взглядом за янтарную бабочку-брошку. Нахмурилась, пытаюсь понять, почему она кажется мне знакомой, и, к своей радости, вспомнила. Точно! Мне подарила ее Дорота!

Не теряя времени, схватила дорогой моему сердцу подарок, сжала в кулаке, снова втайне злясь на Снежного и на весь Эрнхейм. Похитили, раздели, лишили любимого пла-

т্যা. Хорошо, хоть брошка осталась.

– Вот, нэри.

Служанка помогла мне закутаться в теплый, подбитый мехом плащ. В таком можно даже пешком до Борга добраться, Но лучше не стоит. Мне бы экипаж или, на худой конец, лошадь... Но для начала – просто выбраться из логова Снежных.

Бросив в зеркало последний взгляд, решительно направилась к дверям.

– Буду благодарна, если проведешь к выходу.

– Но, нэри...

И не надоело ей «нокать»?

Девушка увязалась за мной. Не то чтобы провести по замку, не то надеясь удержать. Миновав небольшую комнату, такую же роскошную, как и спальня, я толкнула тяжелые створки и встретила взглядом с двумя бугаями.

Тюремщики? Стража?

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга, а потом я решила: была не была! Продолжая сжимать в кулаке брошку, обратилась к служанке:

– Пойдем. – И поспешила за ней по просторной галерее.

Увы, бугаи увязались следом.

Остановить не пытались, но и оставлять меня в покое тоже не собирались. Пока шла, чувствовала, как мурашки бегут по коже. На меня смотрели все кому не лень, а не лень было всем. Прислуга, разряженные нэри и норды... При мо-

ем приближении они замолкали, а стоило пройти мимо, как шепот за спиной усиливался.

Чувствуя себя натянутой до предела шелковой нитью, которая в любой момент могла порваться, дошла до лестницы и стала быстро спускаться. Одна ступенька, другая... Снова пристальные взгляды, снова назойливое внимание...

«Думай о брате, Лив. Не обращай на них внимания», – убеждала себя, мечтая о том, как вернусь домой. Фабиан наверняка с ума сходит от беспокойства. И Бруно. И Дорота. И...

Я запнулась, словно врезалась в невидимую преграду, а если быть точной – в широкую грудь в светлой рубашке. Рельефную такую грудь, мускулистую. Камзол на внезапно возникшей преграде был небрежно распахнут, а выше... Поднялась взглядом по шее, упрямому подбородку, жестким губам и едва не обожглась о льдисто-голубые глаза.

– Далеко собрались, нэри? – На меня смотрел, небрежно щурясь, незнакомец с руин.

Тот самый, что показался из снега, точно подснежник, и сразу полез целоваться.

Один из них.

Страх кольнул сердце, и я отпрянула. Зацепилась за ступеньку и запоздало поняла, что падаю.

Хьяртан-Киллиан Эртхард

– Поразительно! Просто невероятно! – восклицал целитель, осматривая Хьяртана. – Рана почти затянулась, и... Я чувствую в вас силу, ваше величество. С нашей последней встречи вы окрепли, и то, что я сейчас вижу, меня несказанно радует! – Каэтан довольно причмокнул губами и продолжил осмотр, что-то негромко бормоча в густую темную бороду.

Его помощник, молодой целитель по имени Юлиан, стоял рядом и расширившимися от удивления глазами смотрел на Хьяртана. Помнил, в каком состоянии король покидал замок, и явно ожидал, что обратно его принесет стража – бессознательного, а может, и мертвого. Но вышло иначе: Эртхард вернулся полным сил, еще и с какой-то нэри на руках, которая якобы уже дважды спасла ему жизнь.

– Как себя чувствует моя... гостя? – спросил у целителей Хьяртан, запнувшись на последнем слове. Он еще не успел понять, какое место будет отведено простой девчонке из Борга в его замке и в его жизни, но точно знал, что она ему нужна. Пока не поймет, почему именно ее сила его исцелила. Сила, о которой все давно забыли.

– Она очень истощена, – признался Каэтан, продолжая сосредоточенно водить руками над его величеством.

– Из-за меня? – голос Снежного дрогнул.

Живительная магия, которой незнакомка была вынуждена с ним делиться, пьянила. Там, в доме на окраине Борга, ему стоило невероятных усилий, чтобы заставить себя от нее отстраниться, прервать поцелуй. И потом, когда нес ее вниз, думал только о том, чтобы прижать крепче и не отпускать, пока окончательно не охмелеет от этой силы.

– Пока сложно сказать. – Каэтан погладил бороду. Он всегда так делал, когда о чем-то крепко задумывался. А после сегодняшних событий пищи для размышлений у почтенного целителя стало еще больше. – Это первая Солнечная чародейка, которую я видел за всю свою жизнь. Солнечная чародейка в полном смысле слова, если вы понимаете, о чем я.

Хьяртан задумчиво кивнул. После Солнечной войны людей с таким даром почти не осталось. Забвенные – те из Снежных, что посчитали себя богами, – безжалостно их уничтожали. К счастью, и Забвенные в конце концов пали, как и их храмы. Но Солнечных чародеев к тому времени уже не стало. В некоторых магах и по сей день проявлялась их сила – увы, лишь жалкие крупички. Странно, что никто из Снежных не знал о девочке с таким могущественным даром. Может, семья тщательно скрывала ее? А может, не догадывалась, какой потенциал сокрыт в девушке по имени Ливия Селланд.

– Когда она очнется, осмотрю ее снова, – заверил правителя Каэтан. – А с вами, ваше величество, я закончил. По крайней мере до вечера. Перед сном мне бы хотелось снова

на вас взглянуть.

Кивнув, Хьяртан поднялся с кресла и направился к выходу из кабинета. Имелось еще кое-что, что не давало ему покоя, – редчайшее инкрустированное слезами гротхэна украшение. Откуда столь дорогая вещица могла взяться в семье простого жителя Борга? Не просто дорогая – достойная королевы или по меньшей мере принцессы, но обнаружилась в руках у простой девчонки.

Впрочем, простой девчонкой Ливия Селланд не была, это они уже успели понять.

Хьяртан надеялся, что застанет свою... гостью отдохнувшей, полной сил, но реальность превзошла все ожидания. Девчонка не только успела проснуться, она явно намеревалась покинуть Эрнхейм, даже не попрощавшись.

Снежный столкнулся с ней на лестнице, по которой она едва не летела.

– Далеко собрались, нэри? – спросил как можно благодушнее, но девушка почему-то вздрогнула и покачнулась.

Пришлось обхватить ее за талию (исключительно ради того, чтобы не упала) и немного прижать к себе. Опять же, для поддержания равновесия и для предупреждения возможных неприятных последствий.

– Пустите и отойдите! – Девчонка сверкнула зелеными глазами.

Если бы еще и зубки показала, была бы один-в-один как кошка.

– Ваше величество.

Она непонимающе нахмурилась, и Хьяртану пришлось повторить:

– Вы забыли добавить «ваше величество».

Несколько секунд она смотрела ему в глаза, будто пытаясь понять, шутит он или говорит серьезно, а он продолжал удерживать ее за талию, не имея ни малейшего желания отпустить.

– То есть... – Она прерывисто вздохнула. – Вы тот самый правитель, который меня похитил?

– Насколько мне известно, в Драэре нет никаких других правителей, – заметил Хьяртан, мысленно задаваясь вопросом: почему она смотрит так, будто о нем не помнит.

Придя в себя, девчонка снова сверкнула глазами.

– При всем моем уважении, *ваше величество*, прошу отпустить меня немедленно!

– Обещаете, что не будете падать?

– Обещаю, что исчезну отсюда уже через минуту, если отойдете в сторону.

Смелая. Отчаянная. Другая на ее месте была бы счастлива оказаться в Эрнхейме в любой роли, а эта, даже толком не разобравшись что к чему, рвется исчезнуть.

Хьяртан скользнул взглядом по бледному личику, невольно задержавшись на чуть приоткрытых губах.

Ларги! И почему ему снова хочется ее целовать?!

– Боюсь, исчезнуть отсюда вы не сможете ни через мину-

ту, ни через день, нэри, – совладав с невольным порывом, проговорил Снежный. – Но вам не стоит ни о чем беспокоиться. Ваша семья знает, что вы нужны здесь, в Эрнхейме. О вас не будут переживать.

По идее, его слова должны были девушку успокоить, но вместо этого она еще сильнее побледнела. А на щеках, наоборот, вспыхнул румянец. Не то злости, не то самой настоящей ярости.

– А как насчет моего младшего брата, которого мачеха едва терпит? Думаете, он тоже не будет ни переживать, ни скучать? – Она сбросила его руки и вскинула глаза. – Если я ваша пленница, тогда сажайте в клетку, а если нет, топустите. Мне нужно к брату, чтобы он не переживал.

Хьяртан нахмурился, пытаясь понять, о каком брате идет речь. Заметив, что придворных у лестницы становится больше и все они с жадным вниманием следят за их разговором, схватил девушку за руку и коротко обронил:

– Пойдем, – после чего потянул за собой наверх.

– Но...

Девчонка попыталась выдернуть ладонь, но он лишь сильнее сжал пальцы, увлекая за собой бунтарку. Еще не хватало выяснять отношения на глазах у всего двора.

– Мне нужно к брату. – Упрямыца снова дернула локтем.

– Тебе нужно успокоиться и наконец вспомнить, кто перед тобой.

– Король, который меня украл?

Снежный вдруг подумал, что идея с клеткой не так уж и плоха, а то и заманчива.

Следом за ними, не отставая, шли стражники, получившие приказ приглядывать за гостьей. А надо было сказать, чтобы не выпускали! Но кто же знал, что она, едва открыв глаза, тут же надумает сбежать.

Он отпустил ее, только доведя до гостевых покоев. Не успел разжать пальцы, как девчонка отскочила от него и стала демонстративно потирать запястье.

Служанку, бледной тенью скользившую за ними, Хьяртан в комнаты не пустил. Велел дожидаться снаружи и, заперев двери, обернулся к девушке.

– Зачем я вам? – Она успела переместиться в другой конец комнаты и встала, как будто заняв оборонительную позицию, за спинкой высокого кресла.

– Все из-за твоей силы, Ливия. Солнечная магия спасла меня на руинах.

– Спасла от чего? – Она смотрела на него настороженно и недоверчиво, напоминая маленького испуганного зверька, надеющегося спастись от зверя покрупнее, опасного и хищного.

– Пока это мне неизвестно, – ровно ответил Хьяртан, продолжая с интересом наблюдать за странным созданием.

Вроде и боится, но говорит так, будто они равны. И взгляд не опускает. Ни одна придворная дама никогда себя так с ним не вела, не решаясь лишний раз посмотреть в глаза, а

эта...

– И вот так вы отблагодарили меня за свое спасение.

Ну и как не думать о клетке?

– Так уж вышло, Ливия, что я продолжаю нуждаться в твоей силе. Нуждаться в тебе. Возможно, после вчерашнего ты мне больше не понадобишься, но я хотел бы, чтобы ты была рядом. Пока точно не буду уверен в исцелении.

– Рядом... В качестве кого? – Щеки у нэри покраснелись от негодования и мыслей, что сейчас проносились в ее голове беспокойным вихрем.

– В качестве моей гостьи.

Она тряхнула волосами, упрямо поджала губы и с усмешкой поинтересовалась:

– Кто я такая, чтобы гостить у вашего величества? – Еще и кулаки воинственно сжала, вызвав у Снежного невольную улыбку. – Благодарю за оказанную честь, но я продолжу настаивать на своей свободе. Мне нужно к брату и... спасти свою репутацию. Пока от нее хоть что-то осталось.

Ринулась к дверям, он шагнул наперерез. Встал перед ней, борясь с желанием снова ее коснуться.

– Я не смогу тебя отпустить. По крайней мере не сейчас.

– Если вам станет плохо, вы всегда можете прийти ко мне порталом. На чашку чая.

Судя по усмешке, мелькнувшей на мягких губах, в мыслях она явно подумала, что чай этот будет с ядом.

– А если с тобой что-нибудь случится? Здесь ты в безопас-

ности, Ливия. Под моей защитой. Или тебе не к брату нужно, а к тому мальчишке, с которым я тебя застал?

И при мысли о котором хотелось вернуться в город, чтобы вздернуть его на флюгере или утопить в ближайшей сточной канаве.

Несколько секунд она молчала, и в ее глазах читались недоумение, смятение, страх.

– Ты ничего не помнишь? – догадался Хьяртан и мысленно выругался.

То ли он слишком увлекся ее силой и вчера позволил себе лишнего, то ли лишнего позволил себе кое-кто другой.

– Я... – растерянно пробормотала она и обхватила себя за плечи руками.

– Расскажи о последнем, что помнишь.

– Праздник, гости... Кажется, мне стало плохо, и я... отправилась к себе, – последние слова прозвучали неуверенно.

Девушка не догадывалась, что произошло между ней и тем малолетним подонком.

Теперь уже Хьяртану захотелось сжать кулаки и ими же выбить дух из несостоявшегося насильника.

– Я пришлю к тебе лекаря. Он поможет решить проблему с памятью, – с этими словами Снежный отстранился и направился к выходу.

– Мой брат, Фабиан, он не может там оставаться! – Девушка бросилась за ним.

– Я заберу его.

«Но сначала отправлю кое-кого к ларгам», – добавил про себя мужчина.

– Я с вами!

– Думаю, если сумел забрать тебя, то и твоего брата тоже смогу.

– Нет, вы не понимаете! – Ливия схватила его за руку, но тут же, словно обжегшись, отдернула пальцы и на выдохе заговорила: – Если за ним явитесь вы, а не я, он испугается. Он и так наверняка напуган и вряд ли вам поверит. Я не хочу, чтобы он думал, что его похищают. Не хочу, чтобы боялся. У нас уже было... – Она осеклась и, с мольбой взглянув на Снежного, тихо, но упрямо сказала: – Мне нужно к брату. Пожалуйста...

Несколько секунд потребовалось, чтобы принять решение. Ему ничего не стоит взять ее с собой – убежать не сможет, а ребенка пугать не хотелось. Вдруг действительно не поверит и решит, что злые Снежные сначала украли его сестру, а теперь явились за ним.

– Хорошо. – Хьяртан кивнул и заметил, как Ливия облегченно выдохнула.

Глава 6

Ливия Селланд

Надо отдать должное его великому снежному величеству – тянуть с исполнением обещания он не стал. Поразительно, как все здесь выстраивалось, подчиняясь его воле: мгновенно собрали отряд (без отряда, видимо, ходить было не по статусу), мгновенно открыли портал. К слову, открывал он, а я стояла рядом и думала только о Фабиане. Быстрее бы оказаться там...

Я ничего не помнила после того, как села за стол, и это заставляло нервничать еще сильнее. Снежный хмурился, будто в его голове бушевали бураны и метели, но, стоило нам выйти в Бorge у нашего дома, как мне стало не до него, не до метелей, буранов и всего остального. Я бросилась к крыльцу, оставив за спиной величество и его воинов. Толкнула дверь, вспомнила, что ключа-то у меня нет, и от души пнула массивную створку.

– Дорота! Дорота, открывай! Это я, Лив!

Но открыла мне, вопреки ожиданиям, вовсе не кухарка, а Арлетта. Увидела меня – и у нее чуть глаза на лоб не вылезли. Потом глянула мне за спину и завопила:

– Матушка! Матушка!

Не дожидаясь появления «матушки», я оттолкнула сестрицу и вихрем влетела в дом. Рискуя запутаться в юбках и свернуть себе шею, бросилась наверх, промчалась по знакомому коридору к комнате брата.

– Фабиан!.. – распахнула дверь и осеклась.

Сердце с силой ударилось о ребра и провалилось куда-то в пятки: кровать Фабиана была пуста. Валялось на полу скинутое в спешке одеяло, на тумбочке – распахнутая, с помятыми страницами книжка. Но... этого же не может быть! Развернувшись, молнией метнулась назад, пролетела обратно тем же путем и чуть не врезалась в Стеллу, которая что-то бормотала, краснея и бледнея под взглядом Снежного.

– Где мой брат?! Где он?!

Я вцепилась в мачеху, как никогда и ни в кого не вцеплялась, тряхнула так, что голова на массивной шее Стеллы качнулась, как бутон на стебле.

– Так... э-э-э... плохо ему стало вчера. – Мачеха не пыталась сопротивляться, зыряка то на меня, то на Снежного, чей взгляд обещал не просто буран, а полную выюгу.

Суровые лица окруживших нас воинов намекали, что я не так уж и неправа, но меня волновал только Фабиан.

– Что значит плохо?!

– После твоего ухода. – Стелла опасливо покосилась на короля. – Истерика с ним случилась... пришлось лекаря звать. Он и забрал его с собой. Как же иначе-то... Совсем плохо

мальчику стало. Ну я же для него все... как и для тебя, дочка. Да ты отпусти меня, отпусти!

Продолжая лопотать, мачеха попыталась отцепить мои пальцы, но я и сама уже ее отпустила и развернулась к Снежному.

– Нам нужно к лекарю!

При мысли о том, что вчера пришлось пережить Фабиану, внутри стало холодно, по коже прошел мороз. Мы никогда не разлучались с ним, особенно так, и что он вообще подумал? Что меня забрали, как маму, навсегда? Или что я его бросила? Что вообще вчера произошло?!

Усилием воли справившись с чувствами, шагнула было к двери, но путь мне решительно преградил один из воинов, запечатав собой проход, а Снежный за моей спиной резко поинтересовался:

– Где. Твой. Сын?

– Уехал, ваше величество! Говорю же, уехал... – Стелла прижала пышные руки к груди. – Путешествовать. Давно собирался, вот вчера после праздника и отправился...

– Куда?

Взгляд мачехи заметался, выдавая, что она говорит неправду. Душан – и путешествовать? Да его любимыми путешествиями были походы с друзьями в винные магазины или на озеро, уток лупить из рогаток. В высоту мой сводный братец, может, и вырос, а вот мозгами не очень, но плевать!

– Ваше величество, – напомнила о себе. – Мой брат...

Снежный повернулся, наградил взглядом сверху вниз и произнес тем самым тоном, который гораздо больше ему подходил. Гораздо больше, чем которым он говорил со мной на лестнице в замке.

– Никогда больше не смей меня перебивать.

Перебивать? Перебивать, говоришь?

Я снова резко развернулась, поймав завистливый взгляд Арлетты, – она уже успела оценить и мой верхний наряд, и подол выглядывающего из-под плаща платья. Судя по сосредоточенности, пробивающейся через злобу и раздражение, сестрица мысленно подсчитывала примерную стоимость, как делала всегда, когда видела какие-то красивые вещи, чтобы потом сказать, что они выглядят дешево для своей стоимости.

Воин по-прежнему стоял на моем пути, и я сделала вид, что покорно жду. Даже руки сложила, но стоило мужчине расслабиться, шустро рванула за дверь. стражник, попытавшийся меня схватить, поймал пустоту.

Я же, глотнув морозного воздуха, метнулась в сторону конюшен – если Снежному интереснее выяснять, куда подевался Душан, пусть его. А я к лекарю за Фабианом! Правда, до конюшен добежать не успела: снег под ногами неожиданно стал скользким, превратившись в ледяную дорожку, а меня подхватил вихрь и швырнул прямо в объятия его снежного величества. Судя по выражению лица, злющего, как сотня ларгов.

– Еще раз выкинешь что-то подобное, будешь наказана, – сообщили мне таким тоном, что по коже прошел мороз отнюдь не от продувающего двор ледяного ветра.

А перед нами опять распахнулся портал. Последнее, что успела увидеть, – высунувшихся во двор мачеху и Арлетту, и то краем глаза: воины мгновенно оттеснили их обратно в дом, и двое выстроились у двери часовыми.

Я и пикнуть не успела, как оказалась у своих покоев. То есть не у своих, разумеется, а у тех, в которые меня поселили в Эрнхейме.

– Набегалась, – резко произнес величество и втолкнул меня в спальню.

Глаза бы мои ее не видели!

– Вы... вы обещали!

– Обещал, – вкрадчиво произнес он. – Но не учел, что мне попалась совершенно дикая невоспитанная девица, которая понятия не имеет, как себя вести в приличном обществе.

Невоспитанная?

Я?!

– В приличном? И давно в *приличном*, – выделила последнее слово, – обществе принято похищать женщин, чтобы использовать их в качестве... подпитки?

– А в качестве кого, – произнес этот... Снежный, и черты его лица мгновенно преобразились, подчеркивая силу, которой он наделен, – ты бы хотела, чтобы тебя использовали?

Черты-то чертами, ладно, но сейчас его радужку словно

метель заволокла, и от этого стало еще страшнее. Обострившиеся инстинкты вопили, что нужно бежать и как можно скорее, но я застыла. Мы с отцом в детстве ходили в лес, и если я что-то в свое время и усвоила, так это то, что бежать от зверя – значит обрекать себя на верную смерть.

В ту минуту, когда об этом подумала, Снежный шагнул ко мне и произнес резко:

– Не провоцируй меня, девочка. И никогда не ставь под сомнение мой авторитет.

Какой-то ужасающе долгий миг он смотрел мне в глаза, а потом развернулся, как мог бы развернуть порыв снежной пелены ледяной ветер.

– Фабиан... – Я рванулась за ним, но остановилась, когда Снежный вскинул руку.

– Мои воины ищут твоего брата. Как только найдут, сообщат. А к тебе придет целитель. – Он так и не оглянулся, «говорящая спина» казалась выточенной из камня или из льда. – Потрудишься вести себя достойно, – выдали мне последнее напутствие.

И дверь оглушительно хлопнула.

Я бросилась к ней, дернула, но тщетно. Глупо было бы думать, что после всего меня просто оставят и не запрут в четырех стенах, но почему-то стало по-детски обидно. Говорят же, что у Снежных нет чувств, и сейчас я убедилась в этом на собственном опыте. Неужели он не понимает, что Фабиан там совсем один? Напуганный маленький мальчик, который

считает, что лишился сестры!

И Стелла... вот же ларгова баба! Наверняка решила, что меня забрали с концами, что я исчезла, как моя мать, и поспешила избавиться от Фабиана. Я ни на секундочку не поверила, что она отправила его к лекарю, ведь ему надо платить! Я помнила, сколько раз она отказывалась приглашать к нам хотя бы травника, когда Фабиан простывал или когда я умудрилась застудиться и неделю провалялась в горячке. Тогда за мной ухаживала Дорота, но лекарь так и не появился.

«Мои воины ищут твоего брата. Как только найдут, сообщат».

И что я должна думать?!

Стянув верхнюю одежду, сложила ее на одно из кресел у камина, во второе опустилась сама. Протянула руки к теплу, как если бы оно могло согреть мое сердце. Нет, я не думала, что Снежный обманет: если он уже отправил воинов на поиски Фабиана, значит, его найдут. Но где? И... в каком состоянии?

Прикрыв глаза, заставила себя сделать несколько глубоких вдохов. Хватит нагнетать, Лив. Стелла, конечно, мерзкая, но она безумно переживает о том, что скажут люди. Ничего плохого она бы Фабиану не сделала. Такого, что могло бы ему навредить...

Но тогда где же он?

Закусив губу, я смотрела на пляшущее в камине пла-

мя, облизывающее камень, когда за моей спиной скрипнула дверь. Неожиданно настолько, что я подскочила и обернулась, встретившись взглядом с мужчиной: высоким, широкоплечим – не настолько, конечно, как снежное величество, но все же. Густые волосы чуть вились, в густой русой бороде терялся подаренный возрастом иней.

– Доброго дня, нэри. Меня зовут Каэтан, я личный целитель его величества Хьяртана-Киллиана Эртхарда. К вашим услугам.

Личный лекарь?!

– Добрый день. Можете называть меня Ливия, Каэтан.

– Приятно познакомиться, Ливия.

В отличие от Снежного, его воинов и перепуганной служанки, которая глаз поднять не смела, целитель выглядел как костер, разведенный посреди заснеженного леса. Наверное, так и должно быть: поговаривали, что их сила настолько светлая, что благодаря исцелению все, кто занимается этим волшебством, становятся гораздо ближе к Богине-матери, чем сестры и братья Великой Обители. Сейчас я испытала это на себе – от мужчины веяло уверенностью, силой и... теплом. Ему хотелось довериться, и я первым делом подумала о том, что он мог бы сделать для Фабиана. Подумала, чуть не спросила об этом, но вовремя прикусила язык.

Уверена, что, когда Фабиана найдут, он не оставит его в беде. Только понять бы, кого я имела в виду, мысленно произнося «он».

– Взаимно, – тепло отозвалась, и целитель улыбнулся, но тут же снова стал серьезным.

– Что у вас случилось?

Я немного замешкалась, потом все-таки призналась:

– Моя проблема заключается в том, что я ничего не помню со вчерашнего вечера. Мои воспоминания заканчиваются на том, как я села за стол... Еще чуть-чуть помню, что общалась с гостями, а потом все исчезает. Не знаю даже, как оказалась здесь, хотя раньше никогда провалами в памяти не страдала.

Каэтан нахмурился. поставил свой саквояж, который держал в руках, на столик между креслами и произнес:

– Присядьте, пожалуйста. Хочу кое-что проверить.

Я опустилась в кресло, невольно вцепившись в подлокотники. С такой силой, что нагретые огнем камина узоры врезались мне в ладони.

– Не бойтесь, – заметив мое напряжение, успокоил Каэтан, – я не причиню вам вреда.

– Я не боюсь... – покачала головой. – Точнее, боюсь, но не вас. Почему-то мне кажется, то, что моя память от меня скрыла, не будет приятным.

Целитель вздохнул, склоняясь надо мной.

– Знать правду всегда лучше, Ливия. В любом случае сейчас память я вам не верну, просто проверю одну теорию, и тогда уже мы с вами решим, как быть дальше. Хорошо?

– Хорошо. – Я кивнула.

Поразительно, но к этому мужчине я с каждой минутой

проникалась все большим доверием, поэтому, когда он поднес руки к моим вискам, не отпрянула. Напротив, расслабилась и увидела, как на ладонях Каэтана замерцали бледно-голубые искры. Он прикрыл глаза, прошептал что-то, и искры снежинками осели мне на виски. Кожу закололо, как от настоящих холодных крупиц, а потом неожиданно стало жарко. Тепло растеклось по всему телу, достигло словно самого сердца, и в ту же минуту Каэтан вздохнул – как мне показалось, облегченно, а потом поднялся.

Дымка магии рядом со мной развеялась, и целитель произнес:

– Что ж, у меня две новости, Ливия. Начнем с хорошей – с вами в целом все отлично, вы полны сил и чувствуете себя замечательно. Но, думаю, вы это и без меня заметили. – Он прав. Не считая тревоги за Фабиана, я сегодня отлично выпалась – впервые за долгое время, как бывало только в детстве, когда были живы и мама, и отец.

– Ну а вторая похуже. Вчера за ужином вас, судя по всему, опоили, добавили в еду очень опасное вещество. Это зелье запрещено, и, кто бы его ни сделал, а уж тем более кто бы ни применил, преступник заслуживает наказания. – Ноздри Каэтана раздулись, выдавая его отношение к тому, о чем он говорил. Меня коснулись нотки его ярости, совершенно не вязавшиеся с образом этого светлого человека. – Оно подавляет волю, лишает возможности сопротивляться, а впоследствии выжигает из памяти все произошедшее, чтобы постра-

давшие – в данном случае вы – не могли ничего вспомнить. К счастью, все поправимо.

Он раскрыл саквояж и начал выставлять на стол многочисленные склянки.

– Сейчас я создам для вас зелье, которое вернет вам память. Принимать его нужно будет постепенно, по капле в день, и память тоже будет возвращаться постепенно.

– А сразу нельзя? – уточнила.

– Нет, – покачал головой Каэтан. – В ваш разум и так было серьезное вмешательство, и мгновенное восстановление памяти может навредить. Не переживайте, Ливия, за неделю, может, чуть раньше – все зависит от ваших сил и скорости восстановления организма – вы все вспомните.

Я кивнула и больше не задавала вопросов. Не отвлекала целителя от работы, пока он смешивал какие-то порошки, жидкости из крошечных бутылочек, порой загадочно мерцающие, шептал заклинания; наконец, он вручил склянку мне, а из саквояжа достал запечатанную в бумагу ложечку.

– Можете приступать. Первый раз попробуете при мне, чтобы я мог отследить ваше состояние.

Я распечатала ложечку и капнула, как и было сказано, одну каплю. Осторожно поднесла к губам. Ожидала противной лекарственной горечи или чего похуже, но зелье оказалось сладковатым, с легким цветочно-травяным вкусом. Мгновение ничего не происходило, а потом перед глазами вспышкой родилось первое воспоминание: застолье, пьяные

гости распаляются в обсуждении Снежных, а Душан масляным взглядом скользит по моему лицу и губам.

Моргнула – и воспоминание развеялось, а Каэтан удовлетворенно кивнул.

– Хорошо. Вижу, начало положено. Не пугайтесь, Ливия, воспоминания будут приходить неожиданно, не только когда вы принимаете капли. Кстати, – он протянул мне крышку от флакона, – его лучше закрыть.

Запечатав бутылочку, он принялся собираться, а я, поднявшись, выдохнула:

– Спасибо!

– Да не за что, нэри. Это моя работа. Или, скорее, – мужчина улыбнулся, – мое призвание.

– Скажите... – я закусила губу, – можно ли исцелить того, кто не может ходить?

Мужчина снова нахмурился, оглядел меня с головы до ног.

– Кто-то из ваших близких...

– Да, мой брат. У него... он сломал позвоночник. В детстве, когда катался с горки. – Я глубоко вздохнула. Говорить об этом было сложно и непривычно, особенно когда столько лет надеялась, искала способы, и вот передо мной самый настоящий целитель, сильнейший маг! – Это случилось несколько лет назад. У меня не было средств, чтобы оплатить его лечение, но если вы...

Ошейник! Это воспоминание обожгло сильнее, чем

могло бы обжечь пламя, вздумай я сунуть руку в камин. У меня же под подушкой остался ошейник, я могу оплатить лечение Фабиана! Надо только его забрать... если еще никто не забрал. Мысль прокатилась по телу холодом, но я немедленно ее отогнала. В моей комнате для мачехи нет ничего интересного, а убираться наверняка будет Дорота. Если и найдет ошейник, уж точно не станет говорить о нем Стелле, скорее припрячет для Фабиана.

– Если бы вы взялись, я бы оплатила лечение! – Счастливая, я прижала руки к груди, глядя Каэтану в глаза.

Лекарь покачал головой.

– Ливия, здесь все оплачивает его величество. – Он поднял руку, не позволяя мне возразить. – Это первое. А второе – мне нужно увидеть вашего брата, провести обследование, чтобы понять, что я могу сделать.

– Но такое возможно? Вы могли бы его исцелить?!

– Я никогда не даю ответов, не оценив пациента. Но могу сказать в общем: любая, даже самая серьезная травма поддается исцелению, если она не была закреплена магией. Поэтому предварительно – да, я смогу помочь вашему брату.

Да... Да!

На глаза невольно навернулись слезы, которые я спрятала за улыбкой.

– Спасибо... – выдохнула взволнованно. – Вы только что сделали меня самой счастливой на свете!

Лекарь улыбнулся в густую бороду и захлопнул саквояж.

– Рад был познакомиться, Ливия. И сделать вас счастливой, несомненно.

Когда за ним закрылась дверь, я не закричала только потому, что побоялась его напугать. Зато как сумасшедшая запрыгала по комнате, кружась в понятном только мне танце, хлопая в ладоши и улыбаясь, – по ощущениям уголки губ растянулись до ушей.

Да, да, да!

Все было не зря! Фабиана можно спасти! Осталось его найти, а потом...

Раскинув руки, я упала на кровать поверх покрывала и, прикрыв глаза, слушала свое сумасшедшее сердце. А оно определенно сошло с ума, потому что колотилось безумно и счастливо, несмотря на то, что я в замке у Снежных, в Эрнхейме.

Да и ларги бы с ними!

Главное, мой брат снова будет ходить.

Глаза открыла оттого, что скрипнула дверь. Ойкнув, подскочила на постели.

Вошедший светловолосый мужчина был статен и красив, но какой-то жесткой, отталкивающей красотой. Не нужно было обладать выдающимися умственными способностями, чтобы узнать в нем Снежного. Его выдавали и манера держаться, и источаемый им холод, и выражение лица: на меня смотрели, как на нечто крайне ничтожное, но... забавное.

– Кто вы? – спросила, но меня не удостоили ответом.

Я хотела подняться, но не успела: короткое движение, как порыв зимнего ветра и нахлест снега, и вот Снежный уже стоит рядом, опираясь ладонями о кровать по обе стороны от меня.

— Любопытно, — произнес он. — У моего братца определенно странный вкус, но...

Жесткая ладонь рывком легла мне на затылок, а потом с настойчивой силой впечатала мой рот в тонкие надменные губы.

Хьяртан-Киллиан Эртхард

Оставив бунтарку в замке, Хьяртан вернулся в Борг. В душе klokотала злость, и сложно было понять, на кого злился больше: на строптивую девчонку, которая не умела слушать и слышать (с повиновением, к слову, тоже имелись сложности), или на ее странную семейку. В то, что норра Селланд отправила мальчишку к лекарю, его величеству мало верилось.

— Где он? — оказавшись в прогретой, даже чересчур, гостиной, сразу приступил к допросу.

— Кто, ваше величество? — решила прикинуться идиоткой хозяйка дома. Она сидела в кресле возле камина, в котором ярилось пламя, и при этом лихорадочно обмахивалась веером, старательно делая вид, что в любой момент может потерять сознание.

– Ваш пасынок, – из последних сил давя в себе раздражение, ответил Снежный.

– У лекаря, – продолжая бледнеть, проблеяла Стелла и, захлопнув веер, судорожно сжала тонкие пластины из слоновой кости.

Хьяртан заметил, как дрогнули ее пальцы, и решил, что довольно любезничать и терять время понапрасну.

– Норра Селланд. – Он шагнул ближе. Женщина испуганно вжалась в спинку кресла, а девица, стоявшая у окна, нервно прижала руки к груди. – У меня нет ни времени, ни желания играть с вами в игры и по крупичам выжимать ответы. К тому же лживые. Я не верю, что вы отправили ребенка к целителю, но, если уж отправили, думаю, вам не составит труда проводить нас.

Несколько секунд она молчала, глядя на него расширившимися от ужаса глазами, потом вскочила. Хьяртан уж было решил, что и эта предпримет отчаянную попытку сбежать (мало ли, вдруг у них семейное), но вместо побега обманщица бросилась ему в ноги.

Упав на пол, прорыдала:

– Простите меня, глупую, ваше величество! Каюсь я... каюсь! Испугалась, что Лив... наша славная, драгоценная Лив не вернется, как когда-то не вернулась ее мать, и... – Она судорожно вздохнула. – Когда Ливия исчезла, мальчик сильно кричал, ревел... был вне себя! Казалось, он обезумел. Мы испугались, и я... я...

– Отвечайте скорее! – не выдержав, Хьяртан схватил ее за плечи, заставляя подняться, и встряхнул посильнее, надеясь наконец добиться правды. – Где. Он?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.